

И. Ландовский

КРАСНАЯ
СИМФОНИЯ

ПЕРЕВОД С ИСПАНСКОГО З. К.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕЯТЕЛЬ» — БУЭНОС АЙРЕС
1968

И. ЛАНДОВСКИЙ

Красная симфония

(Откровения троцкиста Раковского)

Впервые «Красная Симфония» увидела свет в Испании. В 1952 г. в Мадриде издательством «NOS» была выпущена в свет книга «Sinfonia en Rojo Mayor». В качестве автора, переводчик Маурисио Карлавий назвал некоего Иосифа Ландовского. В послесловии было указано, что рукопись книги, была найдена в годы Отечественной войны в избе под Ленинградом на трупе с документами на имя Иосифа Ландовского неким испанцем А.И. (надо думать, что из «Голубой дивизии» Франко, воевавшей на стороне гитлеровцев на Ленинградском фронте), и доставлена им впоследствии в Испанию.

Глава этой книги под названием «Рентгенография революции» публиковалась в журнале «Молодая гвардия» № 3–4 за 1992 г. со ссылкой на 9-е испанское издание, вышедшее в Барселоне (в первом Мадридском издании эта глава находится на страницах с 421-й по 462-ю — всего в книге 488 страниц). Эта глава повествует о допросе троцкиста Г.Х. Раковского, якобы произведённом на спецдаче НКВД в 1938 г. Допрос был организован в форме беседы за ужином. Сообщается, что во время проведения допроса Г.Х. Раковский находился под воздействием психотропных веществ, которые лишили его способности сдерживаться, вследствие чего он отвечал на задаваемые ему вопросы искренне, то есть говорил то, что действительно думал.

По сути, в 1952 г. (в 1992 г. тоже), произошла «управляемая утечка информации» о наличии т. н. «надгосударственного уровня управления» странами и народами. Иначе говоря, в публичный оборот, была введена определённая информация, касавшаяся происхождения марксизма и тайной деятельности «мировой закулисы».

А теперь вопрос: кому было необходимо, и кто имел соответствующие возможности, чтобы организовать эту «утечку»? Кому конкретно это было нужно? — Ясно, что не «мировой закулисе». Для неё, оглашение подобной информации — «острый нож в спину». Так кому?

Ответ — И.В. Сталину.

1952 г. — особый год. В этом году, Иосиф Виссарионович Сталин предпринял ряд отчаянных, но глубоко продуманных попыток избавить страну от идеологии марксизма и её носителей, т. е. троцкистской партократии. Огромным тиражом (20 млн. экз.) издана работа Сталина «Экономические пробле-

мы социализма в СССР», — ставшая смертельным приговором марксистской экономической науке (в ближайшем будущем, эта сталинская работа, с нашими комментариями, будет опубликована на нашем сайте). Инспирированные им решения XIX съезда партии, по сути, устраняют от управления государством «партийных баронов», оставляя в их ведении только идеологию, которую, опять-таки уже предписано развивать творчески, т. е. избавляясь от марксистских догм. Сталин способствует дальнейшему становлению возрождённой им Русской Православной Церкви, так и не склонившей своей головы перед марксистско-жидовским мракобесием и т. д.

Вместе с тем, он понимает, что на его действия последует очень жёсткая реакция и что его жизнь, и жизнь его преемника (т. е. Л.П. Берии) — висят на волоске. Он знает, что в случае его гибели, на его могилу нанесут много мусора и постоянно думает о том, как сделать доступный, но на тот момент тайный, посыл в будущее своим приемникам (т. е. нам, большевикам-сталинцам). Думает, как донести обществу правду о наличии Финансового Интернационала («мировая закулиса» или «мировое правительство»), которому он всё-таки успешно сумел противостоять всю свою жизнь? Как рассказать людям об истинных, а не декларируемых целях Финансового Интернационала и о способах осуществления его долговременных сценариев-целей? Предлагаемая Вам глава — «Рентгенография революции», вернее её содержание (т. е. допрос высокопоставленного троцкиста), — полностью соответствуют, безусловно имевшим место сталинским намерениям.

Итак, обе книги: «Экономические проблемы социализма в СССР» и «Красная Симфония» — можно трактовать, как два мощных, одновременных, нацеленных в будущее «удара» по одной и той же цели («мировая закулиса») и, соответственно, предпринятых из одного и того же «центра». Кроме Сталина,

и подчинённых ему лично высокопрофессиональных спецслужб, задумать и осуществить этот «изящный», но мощный «посыл в будущее» — было некому. Поэтому, приняв на себя всю степень ответственности, мы заявляем, что опубликованные нами показания Г.Х. Раковского — полностью соответствуют действительно имеющимся и хранящимся в архивах материалам допроса высокопоставленного троцкиста. Это означает то, что показания Раковского из «Рентгенографии революции» — истинны. Дальнейшие события середины и второй половины XX века, полностью подтвердили их правдивость.

Но всё «нюансы» пребывания Раковского на даче, а также всё остальное — история того, как врач Иосиф Ландовский, которого за выдающиеся достижения в области наркологии и токсикологии НКВД привлекло к работе и который присутствовал на допросе; как он произвёл на пишущей машинке стуча по клавиатуре двумя пальцами не учтённый экземпляр стенограммы допроса; как он оставил работу в НКВД, и что НКВД забыло про своего секретносителя и выпустило его из поля зрения; что вследствие этого в годы Великой Отечественной войны секретноситель оказался один на Ленинградском фронте вместе с личным архивом, который он тайком вынес со спецдачи, где жил во время работы в НКВД; и что благодаря всей этой последовательности грубейших нарушений функционирования действовавшей в СССР системы охраны государственных секретов, личный архив, полный секретов, оказался найден на трупе — это всё мистификация, призванная подробно объяснить, как эта информация, действительно не подлежащая публичному обсуждению ни в СССР, ни на Западе, стала достоянием гласности. Использованный при этом «трюк» с трупом «секретносителя», — стандартный в арсенале сценариев спецслужб.

Гений Сталина, всё просчитал правильно. Его «посыл в бу-

дущее» нашёл своего адресата и послужил основой для переосмысления ключевых моментов нашей отечественной и мировой истории. В начале девяностых годов прошлого века, авторский коллектив, имевший самоназвание «Внутренний Предиктор СССР» (ВП СССР), опубликовал ряд замечательных работ (одна из них — «Разгерметизация», в скором времени будет опубликована на нашем сайте), которые поставили окончательную точку в вопросе о существовании надгосударственного уровня управления. В дальнейшем, «развитию этой темы» очень способствовала самоотверженная деятельность членов политической партии «Концептуальная партия «Единение». Особенно мощный выброс информации произошёл в 2003 году, во время выборов в Государственную Думу РФ, в которых партия «Единение» сумела принять участие. Необходимо также отметить известного историка-патриота А.Б. Мартиросяна, блестяще указавшего на всю неприглядную роль Запада по отношению к России. Работа русских учёных и патриотов, заставила Запад признать существование «мирового правительства» или как они его называют «Комитета 300». В 2004, книга с одноимённым названием — увидела свет. Однако в ней ничего не было сказано о методах, благодаря которым осуществляется управление с надгосударственного уровня. О методах управления, в том числе и с высших уровней, можно узнать из материалов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый ниже вниманию читателей текст является переводом с испанского главы «Рентгенография революции» из книги «Красная симфония» русского врача И. Ландовского, изданной впервые в Барселоне[1].

Глава эта раскрывает перед нами механику управления миром и имеет совершенно самостоятельный характер. Необходимо все же дать некоторые пояснения о характере всей книги, чтобы все было вполне понятным.

Вот коротенькое обращение переводчика и, по-видимому, издателя Мориса Карлавилья, объясняющее происхождение книги:

«Это результат кропотливого перевода нескольких тетрадей, найденных на трупе д-ра Ландовского в избе на Петроградском фронте испанским добровольцем А. И.

Он нам их принес. Учитывая состояние рукописей — их восстановление было медленное и утомительное. Оно длилось несколько лет. Долгое время мы сомневались даже в том, возможно ли их будет напечатать. Так удивительны и невероятны были его последние разоблачения, что мы никогда не решились бы опубликовать эти воспоминания, если бы люди и описываемые факты не соответствовали целиком действительности.

Прежде чем эти воспоминания увидели свет, мы приготовились к доказательствам и к полемике.

Персонально отвечаем за абсолютную правдивость основных фактов.

Посмотрим, будет ли кто-нибудь в состоянии опровергнуть их путем выяснения либо доводов... Ожидаем...»

Итак, записки русского врача попали в руки испанца, человека безусловно культурного, который отвез их в Испанию. И уже там после перевода они увидели свет.

Д-р Ландовский был обрусевшим поляком и жил в России. Отец его, полковник Русской Армии, был расстрелян большевиками в 1917 году. История жизни д-ра Ландовского поистине удивительна. Он успел закончить до революции медицинский факультет в России, а затем учился 2 года во Франции в Сорбонне и хорошо владел французским языком. Он интересовался вопросом воздействия наркотиков на человеческий организм в целях помощи медикам и человечеству при производстве операций. Талантливый ученый, И. Ландовский производил в этом направлении изыскания, химические опыты и анализы, достигнув значительных результатов.

После революции, однако, все пути перед ним были закрыты. Он жил со своей семьей в нужде, зарабатывая на жизнь чем попало. Не смея печатать под собственным именем свои научные труды, он разрешал печатать их более удачливому коллеге под именем последнего.

Всесведущее НКВД заинтересовалось этими работами и легко разыскало автора. Его специальность была для них очень ценной. В один прекрасный день сентября 1936 года к доктору постучали какие-то люди и предложили ехать с ними. Домой никогда он больше отпущен не был. Его поместили в здании химической лаборатории НКВД под Москвой. Он там жил и

должен был выполнять всевозможные поручения своих хозяев, был свидетелем допросов, пыток и самых невероятных преступлений. Он участвовал в похищении генерала Миллера. Два раза был за границей, но всегда под надзором, как пленник, в сопровождении агента. Много он знал, много выстрадал, ибо по натуре был порядочным и верующим человеком. Имел мужество вести тайно записки обо всем виденном и слышанном и сохранял попадавшие в его руки документы и письма, пряча все это в полых ножках стола в химической лаборатории. Так жил он до второй мировой войны. Как попал он в Петроград и как был убит — неизвестно.

Ниже печатаемый документ является машинной записью допроса бывшего посла во Франции Х. Г. Раковского в период процесса троцкистов в СССР в 1938 году, когда одновременно с ним судили Бухарина, Рыкова, Ягоду, Кара-хана, д-ра Левина и других.

Поскольку подсудимый Раковский дал понять, с целью облегчения своей участи, что он может сообщить нечто, имеющее специальный интерес, Сталин дал распоряжение своему заграничному агенту произвести допрос такового.

Известно, что Раковский не был приговорен к расстрелу, как прочие, но был помилован и получил 20 лет заключения.

Необычайно интересна личность указанного выше агента. Это некто чилиец Габриель Ренэ Дуваль (он же Гавриил Гавриилович Кузьмин), сын миллионера, красавец и очень способный человек. Он учился во Франции. Мать-вдова не чаяла в нем души. Но молодой человек увлекся пропагандой коммунистов и попал в лапы их агентуры. Ему предложили ехать учиться в Москву, на что он с радостью согласился. Там он прошел суровую школу при НКВД и стал заграничным агентом,

ибо когда он одумался, то было уже поздно. НКВД не выпускало людей из своих лап. Усилием воли он взошел на «вершины зла», как он сам выразился, и пользовался полным доверием самого Сталина.

Допрос производился на французском языке именно этим агентом. Д-р присутствовал для того, чтобы незаметно бросать в рюмку Раковского пилюлю, возбуждающую энергию и поддерживающую бодрое настроение. За стеной велась запись разговора на аппарате, причем машинист французского языка не знал. Обстановка была создана уютная; подана закуска и выпивка, и разговор велся непринужденно. Продолжался он 6 часов.

По окончании разговора доктору было поручено спешно переписать с ленты разговор на французском языке. Затем он должен был перевести его на русский язык и, как умел, двумя пальцами, напечатать на пишущей машинке в двух экземплярах для Сталина и для Габриеля. Доктор осмелился напечатать тайно разговор в трех экземплярах, спрятав третий для себя. Таким образом тайное смогло сделаться в свое время явным...

Пусть каждый прочитает внимательно этот документ, местами хотя и труднопонимаемый из-за туманных теоретических рассуждений, и сделает соответствующие выводы.

Редактор.

РЕНТГЕНОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Я вернулся в лабораторию. Моя нервная система давала о себе знать, и я предписал себе абсолютный покой. Я провожу в кровати почти что целый день. Вот я здесь четыре дня уже совершенно один. Габриель ежедневно справлялся обо мне. Он должен считаться с моим состоянием. При одной лишь только мысли, что меня снова могут послать на Лубянку для присутствия при новой сцене террора, я волнуюсь и дрожу. Мне стыдно, что я принадлежу к человеческому роду. Как низко пали люди! Как низко пал я!

* * *

Предшествующие строки — это то единственное, что я мог написать спустя пять дней после моего возвращения (из здания НКВД на Лубянке. — Ред.), при попытке изобразить на бумаге пережитый ужас, нарушая этим хронологический порядок моих записей. Я не мог писать. Только спустя несколько месяцев, когда началось лето, я смог спокойно и лаконично изложить все, виденное мною, столь отвратительное, дикое и похотливое...

За эти протекшие месяцы я задавал себе тысячу раз один и тот же вопрос: «Кто были те лица, которые инкогнито присутствовали на пытке?..» Я напряг все свои интуитивные и дедук-

тивные способности. Был ли это Ежов?.. Это возможно, но я не вижу оснований для того, чтобы ему нужно было скрываться. Официально он несет ответственность, и чувство опасения, которое заставило бы его скрыться, не поддается логическому объяснению. Даже больше: если я могу считать себя хоть сколько-нибудь психологом, то этот фанатик — хозяин НКВД — с наличием признаков ненормальности должен был бы увлекаться криминальными зрелищами. Такие вещи, как проявление высокомерия перед униженным врагом, превращенным в отребье и психологически и физически, должны были бы доставить ему нездоровое удовольствие. Я анализировал еще дальше. Отсутствие подготовленности было налицо; по-видимому, решение о созвании этого сатанинского заседания было сделано поспешно. То, что назначили присутствовать меня, явилось следствием внезапной договоренности. Если бы Ежов мог выбрать время свободно, то подготовка была бы проведена заблаговременно. Тогда не был бы назначен я; тот генерал НКВД, который едва успел прибыть к сроку, с целью присутствовать на пытке, знал бы об этом раньше. Если же это был не Ежов, то кто же назначил срок? Какой другой шеф мог бы все согласовать?.. Как ни скупы мои сведения о советской иерархии, но над Ежовым — в делах по линии НКВД — имеется только один человек в СССР, один-единственный: Сталин. Значит, это был он?..

Задавая себе эти вопросы, возникшие в результате моих выводов, я припомнил еще кое-что, что подтверждало мое мнение. Я вспомнил, что когда я наблюдал из окна за площадью за несколько минут до того, как мы спустились на «спектакль», я видел, как на нее въехало четыре больших одинаковых автомобиля, все мы, советские, знаем, что Сталин ездит в караване одинаковых машин, для того чтобы не было известно, в какой именно едет он, и таким образом было бы труднее совершить на него покушение. Был ли он там?..

Но тут я столкнулся со следующим неизвестным: согласно деталям, в которые меня посвятил Габриель, скрытые зрители должны были помещаться за нашей спиной. Но там я мог видеть одно лишь продолговатое зеркало, за которым ничего нельзя было рассмотреть. Откуда могли они наблюдать за этим отталкивающим представлением?.. Я не заметил ни одной щели, через которую можно было бы подсматривать... Может быть, зеркало было прозрачным? Я не думаю этого: мое лицо отображалось там совершенно нормально. Это было для меня загадкой.

* * *

Прошло только семь дней, когда однажды утром в доме появился Габриель. Я нашел, что он имел энергичный и воодушевленный вид и был в оптимистическом настроении. Тем не менее те вспышки радости, которые озаряли черты его лица первое время, не появлялись больше никогда. Казалось, будто он хотел разогнать тени, которые обволакивали его лицо, усиленной активностью и умственным напряжением.

После завтрака он сказал мне:

- У нас есть тут гость.
- Кто же это? — спросил я его.
- Раковский, бывший посланник в Париже.
- Я его не знаю.

— Это один из тех, которого я показывал вам той ночью, прежний посланник в Лондоне и Париже... Конечно, большой друг вашего знакомого Навачина... Да, этот человек в моем распоряжении. Он у нас здесь; пользуется хорошим обращением и досмотром. Вы его увидите.

— Я?.. Почему?.. Вы хорошо знаете, что я не страдаю никаким любопытством к делам этого рода... Я прошу избавить меня от новых зрелищ; я еще не совсем здоров после того, на чем меня заставили присутствовать. Я не ручаюсь за свою нервную систему и за свое сердце...

— О!.. Не беспокойтесь. Этот человек уже сломлен. Никакой крови и никакого насилия. Нужно только давать ему в умеренных дозах наркотические средства. Я принес вам сведения: это от Левина,[2] который все еще обслуживает нас своими познаниями. Кажется, где-то в лаборатории имеется определенный наркотик, могущий творить чудеса.

— Вы верите во все это?..

— Я говорю в образной форме. Раковский расположен сознаться во всем, что он знает касательно дела. Мы уже здесь имели первоначальную беседу с ним, и получается неплохо.

— В таком случае для чего нужен чудодейственный наркотик?

— Увидите, доктор, увидите. Это маленькая предосторожность, продиктованная профессиональным опытом Левина. Она поможет добиться того, чтобы наш допрашиваемый чувствовал себя оптимистом и не терял надежды и веры. Он уже видит возможность сохранить свою жизнь в дальнем плане. Это первый эффект, которого надо достигнуть; затем нужно

достигнуть того, чтобы он все время находился как бы в состоянии переживания решающего счастливого момента, но не теряя своих умственных способностей; правильнее сказать, их нужно обострить... Ему нужно создать состояние опьянения совершенно особенное... Как бы это выразиться?.. Точно: состояние просветленного опьянения.

— Что-то вроде гипноза?..

— Да, так, но без усыпления.

— И я должен изобрести наркотик для всего этого? Мне кажется, вы преувеличиваете мои научные таланты. Я не смогу достигнуть этого.

— Да, но не надо ничего изобретать, доктор. Что касается Левина, то, как он утверждает, проблема эта уже разрешена...

— Он всегда производил на меня впечатление несколько шарлатана...

— Пожалуй, да, но я думаю, что указанный им наркотик, если даже и не будет таким действенным, то поможет нам добиться желаемого; в конце концов не надо ожидать чуда. Алкоголь против нашего желания заставляет нас говорить глупости, почему же другое вещество не может побудить нас говорить разумную правду, а не глупости?.. Кроме того, Левин рассказывал мне о предыдущих случаях, по-видимому, достоверных...

— Посему вы не хотите заставить его принять участие в деле еще хотя бы один раз?.. Или он может не послушаться?..

— О, нет! Он-то хотел бы. Уже достаточно одного стремления спасти или продолжить свою жизнь при помощи этой или

другой услуги, чтобы не отказываться от нее. Но я сам не хочу пользоваться его услугами. Он не должен ничего слышать из того, что мне скажет Раковский. Ни он, никто.

— Значит, я...

— Вы — это другое дело, доктор; вы личность глубоко порядочная... Я не Диоген, чтобы бросаться на поиски другого по снежным просторам СССР.

— Спасибо, но я думаю, что моя честность...

— Да, доктор, да; вы говорите, что мы пользуемся вашей честностью для всяких подлостей. Да, доктор, это так... но это так только с вашей, абсурдной точки зрения. А кому же могут на сегодняшний день нравиться абсурды? Например, такой абсурд, как ваша честность?.. Вы уж всегда в конце концов заставляете меня отклониться от темы, чтобы повести разговор о самых увлекательных вещах... Но что же, собственно, будет происходить?.. Вы только должны помочь мне дозифицировать наркотик Левина... Кажется, что в дозировке имеется незаметная черта, которая отделяет сон от бодрствования... просветленное состояние от одурманенного, разум от безумия... создается искусственное упоение.

— Если дело только в этом...

— И еще кое-что... Будем говорить серьезно. Изучите инструкции Левина, взвесьте их, примените их разумно к состоянию личности и силам арестованного. У вас есть для изучения время до наступления ночи; вы можете исследовать Раковского столько раз, сколько вам нужно. И пока больше ничего. Вы мне не поверите, как я ужасно хочу спать. Я посплю несколько часов. Если до вечера не произойдет ничего необыкновенного,

то я распорядился, чтобы меня не вызывали. Вам я советую хорошо отдохнуть после обеда, потому что потом придется долго не спать.

Мы вышли в вестибюль. Распростившись со мной, он проворно взбежал по ступенькам, но на середине пролета задержался,

— А, доктор, — воскликнул он, — я забыл. Большая благодарность от товарища Ежова, Ожидайте подарка... может быть, даже и ордена.

Он махнул на прощание рукой и быстро исчез за лестничной площадкой верхнего этажа.

* * *

Заметка Левина была короткая, но ясная и точная. Я без труда смог найти лекарство. Оно было дозифицировано в миллиграммах в крошечных таблетках. Я сделал проверку, и, согласно объяснению Левина, они очень легко растворялись в воде и еще лучше в алкоголе. Формула там не была записана, и я решил произвести позже сам подробный анализ, когда буду располагать временем.

Несомненно, это был какой-то состав специалиста Люменштата, того ученого, о котором мне говорил Левин во время первого свидания, Я не думал, что натолкнусь в анализе на что-нибудь необыкновенное. Пожалуй, разве опять какая-нибудь база со значительным количеством опиума более актив-

ного качества, чем сам табаин. Мне были хорошо известны 19 главных видов и кое-какие еще. В тех материальных условиях, в которых протекали мои опыты, я был удовлетворен теми сведениями, которые мне дали мои исследования.

Хотя мои работы имели совершенно другое направление, я прекрасно ориентировался в области одурманивающих средств. Я вспомнил, что Левин говорил мне о перегонке редких разновидностей индейской конопли. Я должен был иметь дело с опиумом или гашишем, чтобы разгадать секрет этого хваленного наркотика. Я был бы рад иметь случай натолкнуться на одно или несколько новых оснований, в которых коренились его «чудодейственные» достоинства. В принципе, я готов был предположить такую возможность. В конце концов, исследования при наличии неограниченного времени и средств (при отсутствии экономических преград, что было возможно в условиях лаборатории при НКВД) представляли собой неограниченные научные возможности. Я тешил себя иллюзией найти в результате этих исследований, направленных для причинения зла, новое оружие в моей научной борьбе против боли.

Я не мог посвятить много времени для развлечения такими приятными иллюзиями. Я сосредоточился на мнении, чтобы подумать, как и в какой пропорции должен буду дать Раковскому этот наркотик. Согласно инструкции Левина, одна таблетка должна была произвести желаемый эффект. Он предупреждал, что при наличии у пациента сердечной слабости возможна сонливость и даже полная летаргия с последующим притушением ума. Учитывая все это, я должен был предварительно осмотреть Раковского. Я не рассчитывал на то, что найду внутреннее состояние его сердца нормальным; если не было повреждения, то, наверное, был упадок тонуса по причине нервных переживаний, ибо не могла остаться неизме-

нившейся его система после продолжительной и терроризирующей пытки.

Я отложил осмотр на время после второго завтрака. Я хотел обдумать все на случай, если бы Габриель пожелал дать наркотик как с ведома Раковского, так и без его ведома. В обоих случаях я должен был им заняться, поскольку именно я сам должен был ему давать наркотик, о чем мне было конкретно сказано. Тут не требовалось вмешательства профессионала, ибо лекарство вводилось через рот.

После завтрака я посетил Раковского, которого держали запертым в одной из комнат нижнего этажа. Охранявший человек не спускал с него глаз. Из мебели там имелись только одна табуретка, узкая кровать без спинок и маленький грубый стол. Когда я вошел, Раковский сидел. Он моментально вскочил, пристально посмотрел мне в лицо, и я прочитал в его глазах сомнение и, как мне показалось, испуг. Пожалуй, он должен был бы меня узнать, видя сидевшим в ту памятную ночь рядом с генералами.

Я велел охраннику выйти, распорядившись, чтобы он внес для меня стул. Я сел и попросил арестованного сесть. Ему было около 50 лет; это был человек среднего роста, спереди лысый, с большим мясистым носом. В молодости физиономия его была, наверное, приятная; черты лица не имели карикатурных семитских очертаний, но таковое хорошо подтверждалось в них. В свое время он был, наверное, довольно тучным; теперь же — нет; кожа висела у него повсюду; его лицо и шея были похожи на пузырь с выпущенным воздухом. «Дежурный обед» на Лубянке служил, по-видимому, слишком строгой диетой для бывшего посланника в Париже. В тот момент я ограничился только этими наблюдениями.

— Курите?.. — спросил я его, открывая портсигар, с намерением установить с ним несколько более сердечные отношения.

— Я бросил курить по причине сохранения здоровья, — ответил он мне очень приятным тоном, — но я благодарю вас; думаю, что я сейчас хорошо оправился от своих желудочных болезней.

Он курил спокойно, сдержанно и не без некоторой элегантности.

— Я врач, — представился я.

— Да, я это знаю; я видел, как вы действовали... «там», — сказал он сорвавшимся голосом.

— Я пришел поинтересоваться состоянием вашего здоровья... Каково ваше состояние?.. Страдаете ли какой-нибудь болезнью?

— Нет, никакой.

— Вы в этом уверены?.. Как сердце?..

— Благодаря вынужденной диете — не замечаю у себя никаких ненормальных признаков.

— Есть такие, которые не могут быть замечены самим пациентом, а только врачом.

— Я врач, — перебил он меня.

— Врач?.. — повторил я удивленно.

— Да. Вы этого не знали?

— Никто мне этого не сообщил. Поздравляю вас; мне будет очень приятно быть полезным коллеге и, возможно, соученику. Где вы учились? В Москве, в Петрограде?

— О нет! Я тогда не был русским гражданином. Я учился в Нанси и в Монпелье; в последнем я получил ученую степень.

— Значит, мы могли учиться одновременно; я прошел несколько курсов в Париже. Вы были французом?..

— Я собирался им быть, Я родился болгаринном, но не спросив моего разрешения, меня превратили в румына. Моя провинция Добруджа, где я родился, после заключения мира перешла к Румынии.

— Разрешите выслушать вас, — и я вставил в уши фонендоскоп.

Он снял свой порванный и засаленый пиджак и встал на ноги. Я выслушал его. Ничего ненормального. Как я и предполагал, слабость, но без дефектов,

— Я полагаю, что надо дать питание сердцу.

— Только сердцу, товарищ?.. — спросил он с иронией.

— Я так думаю, — сказал я, как бы не заметив ее, — что ваша диета должна быть тоже усилена.

— Разрешите мне выслушать себя?

— С удовольствием, — и я передал ему фонендоскоп. Он

быстро прослушал себя.

— Я ожидал, что мое состояние будет гораздо хуже. Большое спасибо. Могу ли я уже надеть пиджак?..

— Разумеется... Остановимся, значит, на том, что надо принимать по несколько капель дигитала, не так ли?

— Вы считаете это абсолютно необходимым?.. Я думаю, что мое старое сердце вполне выдержит те несколько дней или месяцев, которые мне осталось жить,

— Я думаю иначе; я думаю, что вы будете жить гораздо больше.

— Не тревожьте меня, коллега... Жить больше! Жить еще больше!.. Должна быть инструкция об окончании; процесс уже не может дольше задерживаться... Затем, затем отдыхать.

И когда он сказал это, имея в виду окончательный отдых, то казалось, что в чертах его лица отразилось почти что блаженство. Я содрогнулся. Эта жажда умереть, умереть скорее, которую я прочитал в его глазах, бросила меня в озноб. Мне захотелось подбодрить его из сострадания.

— Вы меня не поняли, товарищ. Я хотел сказать, что в вашем случае может быть решено продлить вам жизнь, но жизнь без страданий... Для чего-то же привезли вас сюда... Разве с вами не обращаются сейчас лучше?

— Это последнее да, конечно. Об остальном мне уже намекали, но...

Я дал ему еще одну папиросу и после этого добавил:

— Имейте надежду. Со своей стороны и в той мере, в какой разрешит шеф, я сделаю все, что от меня зависит, чтобы вам не был причинен какой-либо вред. Я теперь же распоряжусь улучшить вам питание; умеренно, имея в виду состояние вашего желудка; мы начнем с молочного режима и с кое-чего более существенного. Можете курить... берите... — И я оставил в его распоряжении все, что оставалось в коробочке.

Я позвал охранника и приказал, чтобы он зажигал арестованному папиросу, когда тот захочет курить. Затем я ушел, и прежде чем отправиться отдохнуть на пару часов, распорядился, чтобы Раковскому дали пол-литра молока с сахаром.

* * *

Мы приготовились к свиданию с Раковским в двенадцать часов ночи. «Дружеский» характер встречи подчеркивался во всех деталях. Хорошо нагретая комната, огонь в камине, умеренный свет, маленький изысканный ужин, хорошие вина; все — научно импровизированное, «Как для любовного свидания», — определил Габриель. Я должен был ассистировать. Главная моя миссия — дать заключенному наркотик так, чтобы он этого не заметил. Для этой цели напитки расставили «случайно» около меня, в расчете на то, что я буду угощать его вином, Я должен следить также за прекращением действия наркотика и в нужный момент дать новую дозу. Это — главное в моем поручении. Габриель желает, если опыт удастся, добиться уже в первое свидание продвижения к сути дела. Он надеется на удачу; он хорошо отдохнул и находится в полном порядке; у меня есть желание услышать, как он будет сражать-

ся с Раковским, который, кажется мне, является достойным ему противником.

Разместили перед огнем три кресла; стоящее ближе к двери займу я; Раковский сядет посередине, а в третьем поместится Габриель, который даже своей одеждой старался создать оптимистическое настроение: он надел русскую белую рубашку.

Уже пробило двенадцать часов, когда нам привели арестованного. Его прилично одели, и он был хорошо выбрит. Я бросил на него профессиональный взгляд и нашел его более оживленным.

Он сразу же попросил извинения, что не может выпить больше одной рюмки из-за слабости своего желудка. Я пожалел, что перед его приходом не положил ему туда наркотик.

Разговор начинается банально; Габриель знает, что Раковский гораздо лучше владеет французским языком, чем русским, и начинает говорить на этом языке. Делаются намеки на прошлое. Видно, что Раковский искусный собеседник. Его речь точна, элегантна и даже обладает изяществом. Он, по-видимому, хороший эрудит; по временам приводит цитаты с полной непринужденностью и всегда правильно. Иногда делает намеки на свои многочисленные побеги, на изгнания, на Ленина, на Плеханова, на Люксембург и даже говорит, что, будучи мальчиком, подавал руку Энгельсу.

Мы пьем виски. После того, как Габриель дал ему возможность поговорить с полчаса, я как бы невзначай спросил его: «Вам налить побольше соды?..» — «Да, налейте», — ответил он мне машинально. Я манипулировал с напитком и опустил туда таблетку, которую с самого начала держал между кончиками указательного и среднего пальцев. Сначала я придвинул

виски Габриелю, дав ему знать взглядом, что дело выполнено.

Я передал Раковскому его рюмку и начал после этого пить сам. Он с наслаждением пригубливал свою содовую.

«Я маленький негодяй», — говорю я себе. Но эта мысль мимолетна, и она сгорает в веселом пламени камина, который производит впечатление почтенного очага.

Прежде чем Габриель добрался до главного — диалог был длинный, но увлекательный.

Мне посчастливилось раздобыть документ, воспроизводящий лучше, чем стенография, все, что обсуждалось между Габриелем и Раковским. Вот он здесь.

ИНФОРМАЦИЯ

ДОПРОС ОБВИНЯЕМОГО ХРИСТИАНА ГЕОРГИЕВИЧА РАКОВСКОГО ГАВРИИЛОМ ГАВРИИЛОВИЧЕМ КУЗЬМИ- НЫМ 26 ЯНВАРЯ 1938 ГОДА

Габриель. — Согласно тому, как мы договорились на Лубянке, я ходатайствовал о предоставлении вам последней возможности; ваше присутствие в этом доме означает то, что я этого добился. Посмотрим, не обманете ли вы нас.

Раковский. — Я не желаю и не собираюсь этого желать.

Г. — Но предварительно — благородное предупреждение. Теперь дело идет о чистой правде. Не о правде «официальной», той, которая должна выявиться на процессе в свете признаний обоих обвиняемых... Нечто, как вы знаете, подчиняющееся целиком политическим соображениям или «соображениям государственным», как бы выразились на Западе. Требования интернациональной политики заставят нас скрыть всю правду, «настоящую правду»... Каков бы ни был процесс, но государства и люди узнают только то, что они должны будут узнать... Тот же, кому надлежит знать все, Сталин, должен знать об этом все... Итак, каковы бы ни были здесь ваши слова, они не смогут отягчить вашего положения. Знайте, что они не усугубят вашу вину, а, наоборот, смогут дать желаемые результаты в вашу пользу. Вы сможете спасти свою жизнь, в данный момент уже потерянную. Вот я вам сказал это, а теперь давайте посмотрим: все вы будете сознаваться в том, что вы шпионы Гитлера и состоите на жаловании у гестапо и О.К.В..[3] Не так ли?

Р. — Да.

Г. — И вы являетесь шпионами Гитлера?

Р. — Да.

Г. — Нет, Раковский, нет. Говорите настоящую правду, а не процессуальную.

Р. — Мы не являемся шпионами Гитлера, мы ненавидим Гитлера так, как можете ненавидеть его и вы, так, как может ненавидеть его Сталин; пожалуй, еще больше, но это вещь очень сложная...

Г. — Я вам помогу... Случайно я тоже кое-что знаю. Вы, троцкисты, имели контакт с немецким штабом. Не так ли?

Р. — Да.

Г. — С каких пор?..

Р. — Я не знаю точной даты, но вскоре после падения Троцкого. Разумеется, до прихода к власти Гитлера.

Г. — Значит, уточним: вы не являлись ни личными шпионами Гитлера, ни его режима.

Р. — Точно. Мы ими были уже раньше.

Г. — И с какой целью?.. С целью подарить Германии победу и несколько русских территорий?

Р. — Нет, ни в коем случае.

Г. — Значит, как обыкновенные шпионы, за деньги?

Р. — За деньги?.. Никто не получал ни одной марки от Германии. У Гитлера не найдется достаточного количества денег, чтобы купить, например, комиссара Иностранных дел СССР, каковой имеет в своем свободном распоряжении бюджет больший, чем совместные богатства Моргана и Вандербилта, и не обязан давать отчет в обращении с ними.

Г. — Ну так по какой же причине?

Р. — Могу ли я говорить вполне свободно?

Г. — Да, я вас об этом прошу; для этого я вас и пригласил.

Р. — Разве у Ленина не было высших соображений при получении помощи от Германии для въезда в Россию? И нужно ли признавать верными те клеветнические вымыслы, которые были пущены в ход для его обвинения? Не называли ли его также шпионом кайзера? Его сношения с императором и вмешательство немцев в дело отправки в Россию разрушителей большевиков — очевидны...

Г. — Правда это или неправда — все это не имеет отношения к вопросу,

Р. — Нет, разрешите докончить. Не является ли фактом, что деятельность Ленина вначале была благоприятна для немецких войск?.. Разрешите... Вот сепаратный мир в Бресте, на котором Германии были уступлены огромные территории СССР. Кто объявил пораженчество в качестве оружия большевиков в 1913 году? Ленин. Я знаю на память его слова из письма к Горькому: «Война между Австрией и Россией была бы очень полезной вещью для революции, но вряд ли возможно, чтобы

Франц Иосиф и Николай представили нам этот удобный случай». Как вы видите, мы, так называемые троцкисты, изобретатели поражения в 1905 году, продолжаем на данном этапе ту же самую линию — линию Ленина.

Г. — С маленькой разницей, Раковский: сейчас в СССР существует социализм, а не царь.

Р. — Вы в это верите?

Г. — Во что?

Р. — В существование социализма в СССР?

Г. — Разве Советский Союз не социалистический?

Р. — Для меня только по названию. Вот тут-то и кроется настоящая причина оппозиции. Согласитесь со мною, и в силу чистой логики вы должны это признать, что теоретически, рационально, мы имеем такое же самое право сказать нет, как Сталин — сказать да. И если для триумфа коммунизма оправдывается поражение, то тот, кто считает, что коммунизм сорван бонапартизмом Сталина и что он ему изменил, имеет такое же право, как и Ленин, стать пораженцем.

Г. — Я думаю, Раковский, что вы теоретизируете, благодаря своей манере широко пользоваться диалектикой. Ясно, что при наличии здесь публики я бы это обосновал; хорошо, я признаю ваш аргумент, как единственно возможный в вашем положении, но однако я думаю, что мог бы вам доказать, что это не что иное, как софизм... но отложим это до другого случая; когда-нибудь уж он появится у нас... И я надеюсь, что вы мне предоставите возможность для реванша. В данный же момент скажу только вот что: если ваше поражение и поражение

СССР имеет своей целью реставрацию социализма, настоящего социализма, по-вашему — троцкизма, то, поскольку нами уже ликвидированы его вожди и кадры, пораженчество и поражение СССР не имеет ни объекта, ни смысла. В результате поражения теперь получилась бы интронизация какого-либо фюрера или фашистского царя... Не так ли?

Р. — В самом деле. Без лести с моей стороны — ваше заключение великолепно.

Г. — Хорошо; если, как я предполагаю, вы утверждаете это искренне, то мы уже добились многого: я, сталинец, и вы, троцкист, мы достигли невозможного. Мы дошли до точки, где наши мнения совпали; совпали в том, что в настоящий момент СССР не должен быть разрушен (здесь и далее выделено редактором).

Р. — Должен сознаться, что я не ожидал очутиться перед такой умной особой, В самом деле, на данном этапе и, возможно, в течение нескольких лет, мы не сможем думать о поражении СССР и провоцировать таковое, ибо известно, что сейчас мы находимся в таком положении, что не можем захватить власть. Мы, коммунисты, не извлекли бы из этого пользы. Это положение точное, и оно совпадает с вашим мнением. Нас не может интересовать сейчас развал Сталинского государства; я это говорю и одновременно утверждаю, что это государство помимо всего сказанного — антикоммунистично. Вы видите, что я искренен.

Г. — Я это вижу; это единственный способ договориться. Я прошу вас, прежде чем продолжать, разъяснить мне то, что мне представляется противоречивым: если для вас советское государство антикоммунистично, то почему бы вам не пожелать разрушения его в данный момент? Кто-либо другой мог

бы быть менее антикоммунистичным, и, таким образом, было бы меньше препятствий для реставрации вашего чистого коммунизма.

Р. — Нет, нет, этот выход слишком прост. Хотя сталинский бонапартизм также противостоит коммунизму, как наполеоновский — революции, но очевиден тот факт, что все-таки СССР продолжает сохранять свою коммунистическую форму и догмат; это — коммунизм формальный, а не реальный. И, таким образом, подобно тому, как исчезновение Троцкого дало возможность Сталину автоматически превратить настоящий коммунизм в формальный, так и исчезновение Сталина позволит нам превратить его формальный коммунизм в реальный. Нам достаточно было бы одного часа. Вы меня поняли?

Г. — Да, само собой разумеется; вы высказали нам классическую правду о том, что никто не разрушает того, что он желает наследовать. Ну, хорошо; все остальное — это софистическая сноровка. Вы базируетесь на предположении явно опровержимом: на предположении о сталинском антикоммунизме... Имеется ли частная собственность в СССР? Есть ли личная прибавочная стоимость?.. Классы?.. Не буду ссылаться на факты: для чего?..

Р. — Я уже согласился с тем, что существует формальный коммунизм. Все, что вы перечисляете, это только формы.

Г. — Да? Для какой цели? Из обыкновенного каприза?..

Р. — Нет, разумеется. Это необходимость. Невозможно удержать материалистическую эволюцию истории; самое большое — это что ее можно затормозить... И какой ценой?.. Ценой ее теоретического принятия, чтобы провалить ее практически. Сила, которая влечет человечество к коммунизму, настолько

непобедима, что эта самая, но искаженная сила, противопоставленная самой себе, может добиться только замедления быстроты развития; более точно — замедлить ход перманентной революции.

Г. — Пример?..

Р. — С Гитлером — наиболее очевидный. Ему нужен был социализм для победы над социализмом; вот этот самый его антисоциалистический социализм, каковым является нац.- социализм. Сталину нужен коммунизм, чтобы победить коммунизм. Параллель здесь очевидна. Но, несмотря на гитлеровский антисоциализм и сталинский антикоммунизм, оба, к своему сожалению, против своей воли, трансцендентно создают социализм и коммунизм... они и многие другие. Хотят или не хотят, знают или не знают, но создают формальный социализм и коммунизм, который мы, коммунисты-марксисты, должны неизбежно получить в наследство.

Г. — Наследство?.. Кто наследует?.. Троцкизм ликвидирован полностью.

Р. — Хотя вы это и говорите, но этому не верите. Какими колоссальными ни будут чистки, мы коммунисты, переживем. Не до всех коммунистов может добраться Сталин, как ни длинны руки у его охранников.

Г. — Раковский, прошу вас, а если нужно, то и приказываю, воздерживаться от оскорбительных намеков. Не злоупотребляйте своей «дипломатической неприкосновенностью».

Р. — Это я имею полномочия? Чей я посол?..

Г. — Именно этого недостижимого троцкизма, если мы дого-

воримся так его называть...

Р. — Я не могу быть дипломатом при троцкизме, на который вы намекаете. Мне не предоставлено право его представлять, и я сам на себя этого не брал. Это вы мне его даете.

Г. — Начинаю доверять вам. Отмечаю на ваш счет, что при моем намеке на этот троцкизм вы не стали отрицать его передо мной. Это уже хорошее начало.

Р. — А как отрицать? Ведь я же сам о нем упомянул.

Г. — Поскольку мы признали существование этого особого троцкизма по нашему взаимному соглашению, то я желаю, чтобы вы привели определенные данные, необходимые для расследования указанного совпадения.

Р. — Да, так; я смогу подсказать то, что вы считаете нужным знать, и сделаю это по своей собственной инициативе, но не могу уверять, что таково же всегда мышление и «Их».

Г. — Да, я так буду на это смотреть.

Р. — Мы согласились на том, что в данный момент оппозицию не может интересовать поражение и падение Сталина, поскольку мы не имеем физической возможности заместить его. Это то, в чем мы согласны оба. Сейчас это неоспоримый факт. Однако имеется налицо возможный агрессор. Вот он, этот великий нигилист Гитлер, нацелившийся своим грозным оружием вермахта по всему горизонту, Хотим мы этого или не хотим, но ведь он употребит его против СССР? Согласимся, что для нас — это решающее неизвестное. Считаете ли вы, что проблема поставлена правильно?

Г. — Поставлена хорошо. Но я могу сказать, что для меня тут нет неизвестного. Я считаю неизбежным наступление Гитлера на СССР.

Р. — Почему?

Г. — Очень просто; потому, что к этому расположен тот, кто этим распоряжается. Гитлер — это только кондотьер интернационального капитализма.

Р. — Я согласен с тем, что существует опасность, но до заключения на этом основании о неизбежности его нападения на СССР — целая пропасть.

Г. — Нападение на СССР определяется самой сущностью фашизма; кроме того, его толкают на это все те капиталистические государства, которые разрешили ему перевооружение и захват всех необходимых экономических и стратегических баз. Это само собой очевидно.

Р. — Вы забываете кое-что очень важное. Перевооружение Гитлера и те льготы, которые получены им в настоящий момент от наций Версаля (заметьте себе это хорошо), были получены им в особый период, когда мы еще могли бы стать наследниками Сталина в случае его поражения, когда оппозиция еще существовала... Считаете ли вы этот факт случайным или только совпадающим по времени?

Г. — Не вижу никакой связи между разрешением версальских властей на перевооружение немцев и существованием оппозиции... Траектория гитлеризма сама по себе ясна и логична. Нападение на СССР уже очень давно входило в его программу. Разрушение коммунизма и экспансия на восток — это догмы из книги «Моя борьба», этого талмуда национал-соци-

ализма... а то, что ваши пораженцы желали бы использовать наличие этой угрозы против СССР — это, конечно, соответствовало ходу их мыслей.

Р. — Да, на первый взгляд все это кажется естественным и логичным, слишком логичным и естественным для правды.

Г. — Для того, чтобы этого не случилось, чтобы Гитлер не напал на нас, нам нужно было бы довериться союзу с Францией... но это было бы таки наивностью. Это бы означало поверить в то, что капитализм согласен пойти на жертву ради спасения коммунизма.

Р. — Если мы будем вести беседу только на базе тех понятий, каковые употребляются на массовых митингах, то вы вполне правы. Но если вы искренни, говоря так, то, извините, я разочарован; я думал, что политика знаменитой сталинской полиции стоит на большей высоте.

Г. — Атака гитлеризма на СССР является, кроме того, диалектической необходимостью; это то же, что неизбежная борьба классов в плане интернациональном. Наряду с Гитлером, по необходимости, против вас встанет весь мировой капитализм.

Р. — Итак, поверьте мне, что, при наличии вашей схоластической диалектики, у меня сформировалось самое неблагоприятное впечатление о политической культуре сталинизма. Я слушаю ваши речи, как мог бы слушать Эйнштейн ученика лица, говорящего о физике с четырьмя измерениями. Вижу, что вы знакомы только с элементарным марксизмом, т. е. с демагогическим, популярным.

Г. — Если не будет слишком длинным и запутанным ваше

разъяснение, я был бы вам благодарен за некоторое разоблачение этой «относительности» или «кванты» марксизма.

Р. — Тут нет никакой иронии; я говорю, будучи воодушевлен наилучшими желаниями... В этом же самом элементарном марксизме, который преподают даже у вас в сталинском университете, вы можете найти довод, который противоречит вашему тезису о неизбежности гитлеровской атаки на СССР. Вас обучают еще и тому, что краеугольным камнем марксизма является утверждение, будто противоречия — это неизлечимая и смертельная болезнь капитализма... Не так ли?

Г. — Да, конечно.

Р. — А если дело обстоит таким образом, что мы обвиняем капитализм в наличии постоянных капиталистических противоречий в области экономики, то почему же он не должен страдать таковыми также и в политике? Политическое и экономическое не имеет значения само по себе; это состояние или измерение социальной сущности, а уж противоречия рождаются в социальном, отражаясь одновременно в экономическом или политическом измерении, или в обоих одновременно. Было бы абсурдно предположить погрешность в экономике и одновременно непогрешимость в политике, т. е. нечто необходимое для того, чтобы нападение на СССР стало неизбежным, по вашей мысли — абсолютно необходимым.

Г. — Значит, вы полагаетесь во всем на противоречия, фатальность и неизбежность заблуждений, которым должна быть подвержена буржуазия, каковая помешает Гитлеру напасть на СССР. Я — марксист, Раковский, но здесь, говоря между нами, чтобы не дать повода для возмущения ни одному активисту, я вам говорю, что при всей моей вере в Маркса я не поверил бы

тому, что СССР существует вследствие заблуждения его врагов... И думаю, что такого же мнения и Сталин.

Р. — А я — да... Не смотрите на меня так, ибо я не шучу и не сошел с ума.

Г. — Разрешите мне, по крайней мере, усомниться в этом, пока вы мне не докажете ваших утверждений.

Р. — Видите ли теперь, что у меня были основания для квалификации вашей марксистской культуры как посредственной? Ваши доводы и реакция таковы же, как и у какого-нибудь низового активиста.

Г. — И они неправильны?

Р. — Да, они правильны для маленького управителя, для бюрократа и для массы. Они подходят тому, кто является рядовым борцом... Таковые должны в них верить и повторять все, как написано. Выслушайте меня в порядке конфиденциальности. С марксизмом получается точно так же, как с древними эзотерическими религиями. Их приверженцы должны были знать только все самое элементарное и грубое, поскольку у них этим нужно было вызвать веру, т. е. то, что абсолютно необходимо, как в деле религии, так и в деле революции.

Г. — Не желаете ли вы теперь разоблачить передо мной мистический марксизм, нечто вроде еще одного масонства?

Р. — Нет, никаких изотермизмов. Наоборот, я его изображу с наибольшей ясностью. Марксизм, прежде чем быть философской, экономической и политической системой, является конспирацией для революции. И так как для нас революция — это единственная абсолютная реальность, то философия, эконо-

номика и политика истинны только постольку, поскольку они ведут к революции. Основная истина (назовем ее субъективной) не существует ни в экономике, ни в политике, ни даже в морали; в научной абстракции это или истина, или заблуждение, но для нас, подчиненных революционной диалектике, — только истина, И поскольку для нас, подчиненных революционной диалектике, она — только истина, а следовательно, и единственная истина, то она должна быть таковой для всего революционного, каковой она и была для Маркса. В соответствии с этим должны действовать и мы. Припомните фразу Ленина в ответ на то, когда ему кто-то указал в качестве аргумента, будто его намерение противоречит реальности: «Я его ощущаю реальным» — был его ответ. Не думаете ли вы, что Ленин сказал глупость? Нет, для него всякая реальность, всякая правда была относительна перед лицом одной-единственной и абсолютной истины: революции. Маркс был гениален. Если бы его труды свелись только к одной глубокой критике капитализма, то и это был бы уже непревзойденный научный труд; но в тех местах, где его произведение достигает степени мастерства, получается как бы произведение ироническое. «Коммунизм, — говорит он, — должен победить, так как эту победу даст ему его враг капитал». Таков магистральный тезис Маркса... Может ли быть еще большая ирония? И вот, для того, чтобы ему поверили, достаточно было ему обезличить капитализм и коммунизм, превративши существо человеческое в существо рассудочное, что он сделал с необычайным искусством фокусника. Таково было его хитроумное средство, чтобы указать капиталистам, что они являются реальностью капитализма и что коммунизм может восторжествовать в силу врожденного идиотизма: ибо без наличия неумираемого идиотизма в *homo economicus* не могут проявляться в нем непрерывные противоречия, прокламируемые Марксом. Суметь достигнуть того, чтобы превратить *homo sapiens* в *homo stultum*, это значит обладать магической силой, способной низвести

человека на первую ступеньку зоологической лестницы, т. е. до степени животного. Только при наличии homo stultum в эту эпоху апогея капитализма Маркс мог сформулировать свое аксиоматическое уравнение: противоречия + время = коммунизм. Поверьте мне, когда мы, посвященные в это, созерцаем изображение Маркса, хотя бы то, которое возвышается над главным входом на Лубянке, то мы не можем сдержаться от внутреннего взрыва смеха, которым заразил нас Маркс; мы видим, как он смеется в свою бороду над всем человечеством.

Г. — И вы еще способны насмеяться над самым уважаемым ученым эпохи?

Р. — Насмеяться, я?.. Это восхищение! Для того, чтобы Маркс мог надуть столько людей науки, необходимо было, чтобы он был выше их всех. Ну, хорошо: для того, чтобы судить о Марксе во всем его величии, мы должны рассмотреть настоящего Маркса, Маркса-революционера, Маркса — по его манифесту. Это значит Маркса-конспиратора, ибо во время его жизни революция находилась в состоянии конспирации. Не напрасно революция обязана своим продвижением и своими последними победами этим конспираторам.

Г. — Следовательно, вы отрицаете наличие диалектического процесса противоречий в капитализме, ведущих к финальному триумфу коммунизма?

Р. — Будьте уверены, что если бы Маркс верил в то, что коммунизм дойдет до победы только благодаря противоречиям в капитализме, то он ни одного разу, никогда бы не упомянул о противоречиях на тысячах страниц своего научного революционного труда. Таков был категорический императив реалистической природы Маркса: не научной, но революционной. Революционер и конспиратор никогда не разоблачит перед

своим противником секрет своего триумфа. Никогда не даст информации: он даст ему дезинформацию, каковой вы пользуетесь в контрконспирации. Не так ли?

Г. — Однако, в конце концов, мы дошли до заключения (по-вашему), что в капитализме нет противоречий, и если Маркс о них и говорит, то это только революционно-стратегическое средство. Так ведь? Но колоссальные и постоянно нарастающие противоречия в капитализме имеются налицо... И вот получается, что Маркс, соврав, сказал правду.

Р. — Вы опасны, как диалектик, когда вы ломаете тормоза схоластической догматики и даете полную волю вашей собственной изобретательности. Так оно и есть, что Маркс сказал правду, совравши. Он соврал, когда ввел всех в заблуждение, определив противоречия, как «постоянные» в истории экономики капитала, и назвал их «естественными и неизбежными», но одновременно сказал правду, зная, что противоречия будут создаваться и увеличиваться в нарастающей прогрессии до тех пор, пока не достигнут своего апогея.

Г. — Значит, у вас получается антitezис?

Р. — Нет тут никакого антitezиса. Маркс обманывает из тактических соображений насчет происхождения противоречий в капитализме, но не насчет их очевидной реальности. Маркс знал, как они создавались, как обострялись и как дело доходило до создания всеобщей анархии в капиталистическом производстве, предшествующей триумфу коммунистической революции... Он знал, что это произойдет, ибо знал тех, кто их создает.

Г. — Весьма странной новостью является подобное разоблачение, утверждающее, что именно то, что ведет капитализм

к «самоубийству», по счастливому выражению буржуазного экономиста Шмаленбаха, в подтверждение Марксу, не является сущностью и врожденным законом капитализма. Но меня интересует, меня интересует — доберемся ли мы этим путем к персональному?

Р. — Не почувствовали ли вы этого интуитивно?.. Не заметили ли вы, как у Маркса слова противоречат делу? Он заявляет о необходимости и неизбежности капиталистических противоречий, доказывая наличие прибавочной стоимости и накопления, т. е. доказывает реально существующее. Он ловко придумывает, что большей концентрации средств производства соответствует большая масса пролетариата, большая сила для построения коммунизма, ведь так?.. Теперь дальше: одновременно с этим заявлением он учреждает Интернационал. А Интернационал является в деле ежедневной борьбы классов «реформистом», т. е. организацией, предназначенной для ограничения добавочной стоимости и, где возможно, упразднения ее. Поэтому, объективно, Интернационал — это организация контрреволюционная и антикоммунистическая — по теории Маркса.

Г. — Теперь получается, что Маркс контрреволюционер и антикоммунист.

Р. — Вот вы теперь видите, как можно использовать первоначальную марксистскую культуру. Квалифицировать Интернационал, как контрреволюционный и антикоммунистический, с логической и научной точностью возможно лишь, если не видеть в фактах ничего больше, кроме непосредственного видимого результата, а в текстах только букву. К таким абсурдным заключениям, при их кажущейся очевидности, приходят, забывая, что слова и факты в марксизме подчиняются строгим правилам высшей науки: правилам конспирации и революции.

Г. — Дойдем ли мы когда-нибудь до окончательного заключения?

Р. — Сейчас. Если борьба классов в экономической области по своим первым результатам оказывается реформистской и в силу этого противоречит теоретическим предпосылкам, определяющим установление коммунизма, то в своей настоящей и реальной значимости — она чисто революционная. Но повторяю снова: она подчиняется правилам конспирации; это значит — маскировке и сокрытию ее настоящей цели... Ограничение прибавочной стоимости, а следовательно и накоплений, в силу борьбы классов — это только видимость, иллюзия для вызова первичного революционного движения в массах. Забастовка — это уже попытка революционной мобилизации. Независимо от того, победит ли она или провалится — ее экономическое воздействие анархично. В результате, это средство для улучшения экономического положения одного класса несет в себе обеднение экономики вообще; каковы бы ни были размеры и результаты забастовки, она всегда приносит урон продукции. Общий результат: больше нищеты, от которой не освобождается рабочий класс. Это уже кое-что. Но это не единственный результат и не главный. Как мы знаем, единственная цель всякой борьбы в экономической области — больше заработать, а работать меньше. Таков экономический абсурд, а по нашей терминологии, таково противоречие, не примеченное массами, ослепленными на какой-то момент повышением жалованья, тут же автоматически аннулируемым повышением цен. И если цены ограничиваются при содействии государства, то происходит то же самое, т. е. противоречие между желанием расходовать больше, производя меньше, обуславливается здесь денежной инфляцией. И так создается порочный круг: забастовка, голод, инфляция, голод.

Г. — За исключением того, когда забастовка идет за счет прибавочной капиталистической стоимости.

Р. — Теория, голая теория. Говоря между нами, возьмите любой ежегодный справочник по экономике любой страны и поделите ренты и общий доход на всех, получающих жалование, и вы уж увидите, какое получается необыкновенное частное. Вот это частное, самое революционное, мы должны держать в строжайшем секрете ибо, если из теоретического дивиденда высчитать жалование и расходы дирекции, которые получатся при упразднении собственника, то почти всегда остается дивиденд, пассивный для пролетариев. В реальности — всегда пассивный, если возьмем еще на учет уменьшение объема и снижение качества в области производства. Как теперь вам видно, призыв к забастовке как к средству за скорое улучшение благосостояния пролетариата — это только предлог; предлог, необходимый, чтобы понудить его к саботажу капиталистического производства; таким образом, к противоречиям в буржуазной системе добавятся противоречия у пролетариата; это двойное оружие революции; и оно, что очевидно, не возникает само собой: существуют организация, начальники, дисциплина, и, сверх того, отсутствует глупость. Не подозреваете ли вы, что пресловутые противоречия капитализма, в частности финансовые, тоже как-то организованы?.. В качестве основания для выводов напоминаю вам о том, что в своей экономической борьбе пролетарский Интернационал совпадает с Интернационалом финансовым, ибо оба производят инфляцию... а где имеется совпадение, там, надо думать, имеется и договоренность.

Г. — Усматриваю здесь такой колоссальный абсурд, или же намерение сплести новый парадокс, что даже и не желаю и не хотел бы себе это представить. Похоже на то, что вы намекаете на существование чего-то вроде капиталистического второго Коминтерна, само собою разумеется, враждебного.

Р. — Совершенно точно. Когда я говорил о финансовом Интернационале, то я мыслил о нем как о Коминтерне; но, признав наличие «Коминтерна», я бы не сказал, что он враждебен.

Г. — Если вы претендуете на то, чтобы мы теряли время на изобретательство и фантазии, то должен вам сказать, что вы избрали неудачный момент.

Р. — Кстати, не принимаете ли вы меня за фаворитку из «Тысячи и одной ночи», которая изощряла вечерней порой свое воображение для спасения своей жизни... Нет. Если вы думаете, что я отклоняюсь, то вы заблуждаетесь. Чтобы добраться до того, что мы себе наметили, я, если я не хочу потерпеть неудачу, должен вам предварительно осветить самые существенные вещи, учитывая ваше общее незнакомство с тем, что я назвал бы «высшим марксизмом». Я не смею отказаться от этих разъяснений, так как хорошо знаю, что подобное неведение царит и в Кремле... Разрешите продолжать?

Г. — Можете продолжать. Но верно то, что если все окажется просто только развлечением для воображения, то это удовольствие будет иметь очень плохой эпилог. Я вас предупредил.

Р. — Продолжаю, как будто бы ничего не слышал. Поскольку вы являетесь схоластом в отношении капитала, и я хочу пробудить ваши индуктивные таланты, то я напому вам кое о чем, весьма своеобразном. Заметьте, с какой пронизательностью делает Маркс выводы, при наличии в его время зачаточной английской индустрии; как он ее анализирует и клеймит; в каком отталкивающем виде рисует он образ промышленника. В вашем воображении, как и в воображении масс, встает чудовищный образ капитализма в его человеческом воплощении: толстопузый промышленник с сигарой во рту, как его обрисовал Маркс, самодовольно и злобно выкидывающий жену

или дочь рабочего... Не так ли? Одновременно припомните умеренность Маркса и его буржуазную ортодоксальность при изучении вопроса о деньгах. В вопросе о деньгах у него не появляются его знаменитые противоречия. Финансы не существуют для него, как вещь, имеющая значение сама в себе; торговля и циркуляция денег являются последствиями проклятой системы капиталистического производства, которая подчиняет их себе и целиком определяет. В вопросе о деньгах Маркс — реакционер; к величайшему удивлению, он им и был; примите во внимание «пяतिकонечную звезду», подобную советской, сияющую во всей Европе, звезду из пяти братьев Ротшильдов с их банками, обладающими колоссальным скоплением богатств, когда-либо слыханных... И вот этот факт, настолько колоссальный, что он вводил в заблуждение воображение людей той эпохи, проходит незамеченным для Маркса. Нечто странное... Не правда ли? Возможно, что от этой, столь странной слепоты Маркса и происходит феномен, общий для всех последующих социальных революций. А именно. Все мы можем подтвердить, что когда массы овладевают городом или государством, то они всегда проявляют что-то вроде суеверного страха перед банками и банкирами. Убивали королей, генералов, епископов, полицейских, священников и прочих представителей ненавистных привилегированных классов; грабили и сжигали дворцы, церкви и даже центры науки, но хотя революции были экономически-социальными, жизнь банкиров была уважаема, и в результате великолепные здания банков оставались нетронутыми... По моим сведениям, пока я не был арестован, это продолжается и теперь...

Г. — Где?

Р. — В Испании... Не знаете этого?.. Раз вы спрашиваете; и вот теперь скажите мне, не находите ли вы все это очень странным? Пораздумайте, полиция... Не знаю, обратили ли

вы внимание на странное сходство, которое существует между финансовым Интернационалом и Интернационалом пролетарским; я бы сказал, что один является оборотной стороной другого, и этой оборотной стороной является пролетарский, как более современный, чем финансовый.

Г. — Где вы видите подобие в вещах столь противоположных?

Р. — Объективно они идентичны. Как я это доказал, Коминтерн, дублируемый реформистским движением и всем синдикализмом, вызывает анархию производства, инфляцию, нищету и безнадежность в массах; финансы, главным образом финансовый Интернационал, дублируемый сознательно или бессознательно частными финансами, создают те же самые противоречия, но еще в большем количестве... Теперь мы бы могли уже догадаться о причинах, по каким Маркс скрыл финансовые противоречия, каковые не могли бы укрыться от его пронизательного взора, если бы не имелось у финансов союзника, воздействие которого, объективно-революционное, уже тогда было необычайно значительно.

Г. — Бессознательное совпадение, но не союз, предполагающий ум, волю, соглашение...

Р. — Оставим эту точку зрения, если вам угодно... Теперь лучше перейдем к субъективному анализу финансов и даже еще больше: разглядим, что представляют собой персонально люди, там занятые. Интернациональная сущность денег достаточно известна. Из этого факта вытекает то, что организация, которая ими владеет и их накапливает, является организацией космополитической. Финансы в своем апогее, как самоцель, как финансовый Интернационал, отрицают и не признают ничего национального, не признают государства, а потому объективно он анархичен и был бы анархичен абсо-

лютно, если бы он, отрицатель всякого национального государства, не был бы сам, по необходимости, государством по своей сущности. Государство как таковое — это только власть. А деньги — это исключительно власть.

Это — коммунистическое сверхгосударство, которое мы создаем вот уже в течение целого века и схемой которого является Интернационал Маркса. Проанализируйте — и вы разглядите его сущность. Схема — Интернационал и его прототип СССР — это тоже чистая власть. Подобие по существу между обоими творениями — абсолютно. Нечто фатальное, неизбежное, ибо персональность их авторов была идентична: финансист настолько же интернационален, как и коммунист. Оба под разными предлогами и при помощи различных средств борются с национальным буржуазным государством и его отрицают. Марксизм — для того, чтобы преобразовать его в коммунистическое государство; отсюда вытекает, что марксист должен быть интернационалистом, финансист отрицает буржуазное национальное государство, и его отрицание заканчивается само в себе; собственно говоря, он не проявляет себя интернационалистом, но космополитическим анархистом... Это его видимость на данном этапе, но посмотрим, что он собой представляет и чем он хочет быть. Как вы видите, в отрицании имеется налицо индивидуальное подобие между коммунистами-интернационалистами и финансистами-космополитами, в качестве естественного результата такое же подобие имеется между коммунистическим Интернационалом и финансовым Интернационалом.

Г. — Случайное подобие, субъективное и объективное в противоречиях, но, стирающееся и малозначащее в самом радикальном и реально существующем.

Р. — Разрешите мне не отвечать сейчас, чтобы не прервалась

логическая нить... Я хочу только расшифровать основную аксиому: деньги — это власть. Деньги — это сегодня центр всемирной тяжести... Надеюсь, что вы со мной согласны?..

Г. — Продолжайте, Раковский, прошу вас.

Р. — Понимание того, как финансовый Интернационал постепенно, вплоть до теперешней эпохи, сделался хозяином денег, этого магического талисмана, ставшего для людей тем же, чем был для них Бог и нация, есть нечто, что превышает в научном интересе даже искусство революционной стратегии, ибо это тоже искусство и тоже революция. Я вам это истолкую. Историографы и массы, ослепленные воплями и помпой Французской революции, народ, опьяненный тем, что ему удалось отнять у короля — у привилегированного — всю его власть, не заметили, как горсточка таинственных осторожных и незначительных людей овладела настоящей королевской властью, властью магической, почти что божественной, которой она овладела, сама этого не зная. Не заметили массы, что эту власть присвоили себе другие и что они вскоре подвергли их рабству более жестокому, чем король, ибо тот в силу своих религиозных и моральных предрассудков, был неспособен воспользоваться подобной властью. Таким образом получилось, что высшей королевской властью овладели люди, моральные, интеллектуальные и космополитические качества которых позволили им ею воспользоваться. Ясно, что это были люди, которые от рождения не были христианами, но зато космополитами.

Г. — Что же это за мифическая власть, которой они овладели?

Р. — Они присвоили себе реальную привилегию чеканить деньги... Не улыбайтесь, иначе мне придется поверить в то, что вы не знаете, что такое деньги. Я вас прошу представить

себя на моем месте. Мое положение перед вами равносильно положению товарища доктора, которому пришлось бы разъяснить бактериологию воскресшему медику из эпохи до Пастера. Но я могу объяснить себе ваше неведение и могу вам простить его. Наш язык употребляет слова, которые вызывают неправильные мысли о вещах и поступках благодаря силе умственной инерции, и не соответствует реальным, и точным понятиям. Я сказал: деньги; ясно, что в вашем воображении моментально изобразились очертания реальных денег из металла и бумаги. Но это не так. Деньги — это теперь уже не то; реальная циркулирующая монета — это настоящий анахронизм. Если она еще существует и циркулирует, то только в силу атавизма, только потому, что удобно поддерживать иллюзию, чисто воображаемую фикцию на сегодняшний день.

Г. — Это блестящий парадокс, рискованный и даже поэтический...

Р. — Если угодно, может быть это и блестяще, но это — не парадокс. Я знаю уж — и вы поэтому улыбнулись, — что в государствах еще чеканят на кусках металла или на бумаге королевские бюсты или национальные гербы, ну и что же? Большое количество циркулирующих денег — деньги для крупных сделок, как представительство всех национальных богатств, деньги, да, деньги — их начали выпускать те немногочисленные люди, на которых я намекал. Титулы, буквы, чеки, долговые обязательства, индоссо, учеты, котировка, цифры, без конца цифры, неудержимым водопадом наводнили государства. Что же представляют собой наряду с ними металлические и бумажные деньги?.. Нечто, не имеющее влияния, какой-то минимум перед лицом нарастающего прилива все наводняющей финансовой монеты. Они, тончайшие психологи, безнаказанно добились еще большего благодаря общему невежеству. Кроме колоссально пестрого разнообразия финансовых денег,

они создали деньги-кредит, с целью сделать их объем бесконечным. И придать им быстроту мысли... Это — абстракция, существо разума, цифра, число, кредит, вера...[4]

Понимаете ли вы уже?.. Мошенничество, фальшивые деньги, снабженные легальным курсом... выражаясь другими терминами, чтобы вы меня поняли. Банки, биржи и вся мировая финансовая система — это гигантская машина для того, чтобы совершать противонатуральные безобразия, по выражению Аристотеля; заставлять деньги производить деньги — это нечто такое, что, если оно является преступлением в экономике, то по отношению к финансам это преступление против уголовного кодекса, ибо оно является ростовщичеством. Я уж не знаю, каким аргументом все это оправдывается: может, тем, что они получают легальные проценты?.. Даже признавши это, а этого признания и так уж слишком достаточно, мы видим, что ростовщичество все равно существует, ибо если даже полученные проценты и легальны, то они измышляют и фальсифицируют несуществующий капитал. Банки всегда имеют в качестве вкладов или денег в продуктивном движении какое-то количество денег в пять или даже, может быть, в сто раз больше, чем имеется физически выпущенных денег. Я не буду говорить о тех случаях, когда деньги — кредит, т. е. деньги фальшивые, сфабрикованные, превосходят количество денег, выплаченных как капитал. Имея в виду, что законные проценты устанавливаются не на реальный капитал, а на несуществующий капитал, проценты оказываются незаконными во столько раз, во сколько фиктивный капитал выше реального.[5]

Имейте в виду, что эта система, которую я детализирую, является одной из самых невинных среди употребляемых для фабрикаций фальшивых денег. Вообразите себе, если сможете, небольшое количество людей, обладающих бесконечной властью в обладании реальными богатствами, и вы увидите,

что они являются абсолютными диктаторами биржи, а вследствие этого и диктаторами производства и распределения и также работы и потребления. Если у вас хватит воображения, то возведите все это в мировую степень, и вы увидите его анархическое, моральное и социальное воздействие, т. е. революционное... Теперь вы понимаете?..

Г. — Нет, пока что еще нет.

Р. — Ясно, очень трудно постигать чудеса.

Г. — Чудо?

Р. — Да, чудо. Разве это не чудо, что деревянная скамья превратилась в храм? А ведь такое чудо люди видели тысячу раз, не моргнув глазом, в течение целого века. Ибо это было необычайным чудом, то, что скамьи, на которых усаживались засаленные ростовщики для торговли своими деньгами, сейчас превратились в храмы, величающиеся на каждом углу современных больших городов своими языческими колоннадами; и туда идут толпы людей с верой, которую им уже не внушают небесные божества, для того, чтобы принести усердно вклады всех своих богатств божеству денег, каковое, как они думают, обитает внутри железных нестораемых касс банкиров, предназначенных в силу своей божественной миссии увеличивать богатства до метафизической бесконечности.

Г. — Это новая религия гнилой буржуазии?

Р. — Религия, да; религия могущества.

Г. — Вы оказываетесь поэтом экономики.

Р. — Если угодно, то для того, чтобы дать понятие о фи-

нансах как о произведении искусства, наиболее гениальном и наиболее революционном во все времена, необходима поэзия.

Г. — Это ошибочный взгляд. Финансы, как определяет их Маркс, а главным образом Энгельс, определяются системой капиталистического производства.

Р. — Точно, только как раз наоборот: капиталистическая система производства определяется финансами. То, что Энгельс говорит обратное и даже делает попытки доказать это, является самым очевидным доказательством того, что финансы господствуют над буржуазным производством. Так оно есть и так было еще до Маркса и Энгельса, что финансы были самой мощной машиной революции, а Коминтерн при них был не более, чем игрушкой. Но ни Маркс, ни Энгельс не станут раскрывать или разъяснять этого. Наоборот, используя свой талант ученых, они должны были вторично закамуфлировать правду для пользы революции. Это они оба и проделали.

Г. — Эта история — не новая; мне все это несколько напоминает то, что лет десять тому назад написал Троцкий.

Р. — Скажите мне...

Г. — Когда он заявляет, что Коминтерн — это консервативная организация по сравнению с Биржей в Нью-Йорке, он указывает на крупных банкиров как на изобретателей революции.

Р. — Да, он сказал это в маленькой книжке, в которой он предсказал падение Англии... Да, он сказал это и добавил: «Кто толкает Англию на путь революции?» ...и ответил: «Не Москва, а Нью-Йорк.»

Г. — Но припомните также его утверждение, что если финансисты Нью-Йорка и ковали революцию, то это делалось бессознательно.

Р. — То объяснение, которое я уже дал для того, чтобы понять, почему закамouflировали правду Энгельс и Маркс, одинаково действительно и для Льва Троцкого.

Г. — Я ценю у Троцкого только то, что он в своего рода литературной форме интерпретировал взгляд на факт, сам по себе слишком известный... с которым считались уже раньше. Ибо, как правильно говорит сам Троцкий, эти банкиры «выполняют с непреодолимостью и бессознательно свою революционную миссию».

Р. — И они выполняют свою миссию, несмотря на то, что Троцкий заявляет об этом? Что за странная вещь! Почему же они не выправляются?

Г. — Финансисты — бессознательные революционеры, ибо они таковы только объективно... в силу своей умственной неспособности видеть окончательные результаты.

Р. — Вы искренне верите этому?.. Вы думаете, что среди этих настоящих гениев есть кое-кто бессознательный?.. Вы считаете идиотами людей, которым на сегодняшний день подчиняется целый мир?.. Это-то уж действительно было бы глупейшим противоречием!

Г. — На это вы претендуете?..

Р. — Я просто утверждаю, что они революционеры объективно и субъективно; вполне сознательные.

Г. — Банкиры!.. Вы сошли сума?..

Р. — Я — нет. А вы?.. Поразмыслите. Эти люди такие же, как вы и я. То, что они владеют деньгами в неограниченном количестве, поскольку они сами их создали, не дает нам возможности определить предел всех их амбиций... Если человеку доставляет что-либо полное удовлетворение, то это удовлетворение его честолюбия. И больше всего — удовлетворение властолюбия. Почему бы им — этим людям-банкирам — не обладать импульсом к господству... к полному господству?.. Так же, точно так же, как это происходит у вас и у меня.

Г. — Но если, по-вашему, — так же думаю и я — они уже обладают всемирной политической властью, то какой же еще другой хотят они обладать?

Р. — Я вам уже сказал: полной властью. Властью, как у Сталина в СССР, но всемирной.

Г. — Такой властью, как Сталин, но с противоположной целью?

Р. — Власть, если в реальности она абсолютна, может быть только одна. Идея абсолютного исключает множественность. Поэтому власть, к которой стремится Коминтерн и «Коминтерн», являющиеся вещами одного и того же порядка, будучи абсолютной, в политике тоже должна быть одна-единственная и идентичная. Абсолютная власть имеет цель в самой себе, или иначе она не абсолютна. И до сегодняшнего дня еще не изобретена другая машина полновластия, кроме Коммунистического государства. Капиталистическая буржуазная власть, даже на самой высшей своей ступени, власть кесаря, есть власть ограниченная, ибо если в теории она была воплощением божества в фараонах и цезарях в древние времена, то

все-таки благодаря экономическому характеру жизни в тех примитивных государствах и при технической отсталости их государственного аппарата, всегда оставалось поле для индивидуальной свободы. Понимаете ли вы, что те, которые уже частично господствуют над нациями и земными правительствами, претендуют на абсолютное господство?.. Поймите, что это то единственное, чего они еще не достигли...

Г. — Это интересно; по крайней мере, как пример сумасшествия.

Р. — Разумеется, сумасшествия в меньшей степени, чем у Ленина, мечтавшего господствовать над целым миром на своей мансарде в Швейцарии, или сумасшествия Сталина, мечтавшего о том же во время своей ссылки в сибирской избе. Мне кажется, что мечты о подобной амбиции гораздо более натуральны для денежных господ, живущих в небоскребах Нью-Йорка.

Г. — Давайте закончим: кто «они» такие?

Р. — Вы так наивны, что думаете, что если бы я знал, кто «Они» такие, так я сидел бы здесь пленником?

Г. — Почему?

Р. — По очень простой причине, ибо того, кто знаком с ними, не поставили бы в такое положение, когда он был бы обязан сделать на них донос... Это элементарное правило всякой умной конспирации, что вы должны понимать прекрасно.

Г. — Вы ведь сказали, что это банкиры?..

Р. — Я — нет; припомните, что я всегда говорил о финан-

совом Интернационале, а персонализируя, всегда говорил «Они» и больше ничего. Если вы желаете, чтобы я откровенно вас информировал, то я только сообщу факты, а не имена, ибо я их не знаю. Думаю, что я не ошибусь, если скажу вам, что ни один из «Них» не является человеком; занимающим политическую должность или должность в мировом Банке. Как я понял, после убийства Ратенау в Раппале они раздают политические и финансовые должности только людям-посредникам. Ясно, что людям, заслуживающим доверия и верным, что гарантируется на тысячу ладов; таким образом, можно утверждать, что банкиры и политики — это только «соломенные чучела»... хотя они и занимают очень высокие посты и фигурируют как авторы выполненных планов.

Г. — Хотя все это понятно и одновременно логично, но не является ли обоснованное вами неведение только вашей уверткой? Как мне кажется, и по имеющимся у меня сведениям, вы занимали достаточно высокое положение в этой конспирации, чтобы не знать гораздо больше... Вы даже не знаете персонально ни одного из них?

Р. — Да, но, разумеется, вы мне не верите. Я дошел до того момента, где объяснил, что речь идет о человеке или о людях с персональностью... как бы это сказать?.. мистической, как Ганди или что-нибудь в этом роде, но без внешнего показа. Мистики чистой власти, освободившиеся от всяких пошлых случайностей... Не знаю, понимаете ли вы меня? Ну вот, что касается их резиденций и имен, то я этого не знаю... Представьте себе сейчас Сталина, реально господствующего в СССР, не окруженного каменными стенами, не имеющего охраняющего его персонала и имеющего для своей жизни такие же гарантии, как и другой любой гражданин. Какими средствами мог бы он избавиться от покушений?.. Он прежде всего конспиратор, как ни велика его власть: он аноним.

Г. — То, что вы говорите, логично, но я вам не верю.

Р. — Но все-таки поверьте мне; я ничего не знаю, если бы я знал, то как счастлив бы я был!.. Я не находился бы здесь, защищая свою жизнь. Я великолепно понимаю ваши сомнения и то, что в силу вашего полицейского призвания вы чувствуете необходимость узнать кое-что о личностях. В честь вас, а также потому, что это необходимо для той цели, которую мы оба себе поставили, я сделаю все возможное, чтобы вас ориентировать. Знаете, что по неписаной, но известной только нам истории, основателем первого Коммунистического Интернационала указывается, конечно, секретно, Вейсгаупт. Вы припоминаете его имя? Он был главой того масонства, которое известно под именем иллюминатов, это имя он позаимствовал из второй антихристианской коммунистической конспирации той эры — гностицизма. Этот крупный революционер, семит и бывший иезуит, предвидя триумф Французской революции, решил, а может быть, это было ему приказано (некоторые указывают, как на его начальника, на крупного философа Мендельсона) основать секретную организацию, которая спровоцировала бы и подтолкнула Французскую революцию пойти дальше ее политических объективов, с целью превратить ее в революцию социальную для установления коммунизма. В те героические времена было колоссально опасно упоминать о коммунизме как о цели; отсюда и происходят всякие предосторожности и тайны, которые должны были окружать иллюминатов. Еще не хватило сотни лет для того, чтобы можно было человеку признаться в том, что он коммунист, без опасности попасть в тюрьму или быть покаранным смертью. Это — более или менее известно. То же, что неизвестно — это сношения Вейсгаупта и его приверженцев с первым из Ротшильдов. Тайна получения богатств самых известных банкиров могла бы быть разъяснена тем, что они были казначеями этого первого Коминтерна. Есть указания на то, что когда 5 братьев распре-

делились по 5-ти провинциям финансовой империи Европы, то они имели какую-то тайную помощь для составления этих баснословных богатств; возможно, что это были те первые коммунисты из Баварских катакомб, которые были уже рассеяны по всей Европе. Но другие говорят — и я думаю, что с большим основанием, — что Ротшильды были не казначеями, а начальниками того первоначального тайного коммунизма. Это мнение опирается на тот известный факт, что Маркс и самые высокие начальники 1-го Интернационала — уже явного — и в том числе Герцен и Гейне, подчинялись барону Лионелю Ротшильду, революционный портрет которого был сделан Дизраэли, английским премьером, являвшимся его же креатурой, и оставлен нам в наследство; он обрисовал его в лице Сидонии, человека, который, согласно повествованию, будучи мультимиллионером, знал и распоряжался шпионами, карбонариями, масонами, тайными евреями, цыганами, революционерами и т. д. и т. п... Все это кажется фантастичным. Но доказано, что Сидония является идеализированным портретом сына Натана Ротшильда, что также явствует из той кампании, которую он поднял против царя Николая в пользу Герцена. Кампанию ту он выиграл. Если все то, о чем мы можем догадываться в свете этих фактов, реально, то, как я думаю, мы могли бы даже установить личность того, кто изобрел эту ужасную машину аккумуляции и анархии, каковой является финансовый Интернационал. Одновременно, как я думаю, он был тем же лицом, которое создало и революционный Интернационал. Нечто гениальное: создать при помощи капитализма аккумуляцию в самой высокой степени, толкнуть пролетариат на забастовки, посеять безнадежность и одновременно создать организацию, которая должна объединить пролетариев с целью ввергнуть их в революцию. Это должно составить самую величественную главу истории. Даже еще больше: вспомните фразу матери пяти братьев Ротшильдов: «Если мои сыновья захотят, то войны не будет». Это означает, что они были арби-

трами, господами мира и войны, а не императоры. Способны ли вы представить себе факт подобной космической значимости?.. И не является ли уже война революционной функцией?.. Война — Коммуна. С тех пор каждая война была гигантским шагом к коммунизму. Как будто бы какая-то таинственная сила удовлетворила страстное желание Ленина, которое он высказал Горькому. Припомните: 1905–1914. Признайте же по крайней мере, что два из трех рычагов власти ведущих к коммунизму, не управляются и не могут быть управляемы пролетариатом. Войны не были вызваны и не были управляемы ни 3-м Интернационалом, ни СССР, которые тогда еще не существовали. Также не могут спровоцировать их, а тем более еще и руководить, те маленькие группы большевиков, которые прозябают в эмиграции, хотя они и жаждут этого. Это совершенно явная очевидность. Еще меньшими возможностями, чем чудовищное накопление капитала и создание национальной или интернациональной анархии в капиталистическом производстве, обладали и обладают Интернационал и СССР. Такой анархии, которая способна заставить сжечь огромные количества продуктов питания, прежде чем раздать их голодающим людям, и способна на то, что Ратенау высказал одной своей фразой, т. е.: «Сделать так, чтобы полмира занялось фабрикацией г...а, а другая половина мира стала бы его потреблять». И, в конце концов, разве может пролетариат поверить тому, что это он является причиной этой инфляции, вырастающей в геометрической прогрессии, этап девальвации, постоянного присвоения прибавочной стоимости и накопления финансового капитала, а не капитала ростовщического, и что по причине того, что он не может справиться с постоянным снижением своей покупательной способности, происходит пролетаризация среднего класса, который является действительным противником революции. Не пролетариат управляет рычагом экономики или рычагом войны. Но он сам является 3-им рычагом, единственным видимым и показным рычагом,

наносящим окончательный удар могуществу капиталистического государства и захватывающим его... Да, они захватывают его, если «Они» его ему сдают...

Г. — Я опять повторяю вам, что все это, изложенное вами в такой литературной форме, имеет название, которое мы уже повторяли до пресыщения в этом нескончаемом разговоре: естественные противоречия капитализма, и если, как вы на это претендуете, имеется еще чья-то воля и деятельность помимо пролетариата, то я желаю, чтобы вы указали мне конкретно на личный случай.

Р. — Вам достаточно только одного?.. Ну, так выслушайте небольшую историю: «Они» изолировали дипломатически царя для русско-японской войны, и Соединенные Штаты финансировали Японию; говоря точно, это сделал Яков Шифф, глава банка Кун, Леб и К°, являющегося наследником дома Ротшильдов, откуда и происходил Шифф. Он имел такую власть, что добился того, что государства, имеющие колониальные владения в Азии, поддержали создание Японской Империи, склонной к ксенофобии; и эту ксенофобию Европа уже чувствует на себе. Из лагерей пленных прибыли в Петроград лучшие борцы, натренированные как революционные агенты; они были туда посланы из Америки с разрешения Японии, полученного через лиц, ее финансировавших. Русско-японская война, благодаря организованному поражению Царской Армии, вызвала революцию 1905 года, которая хотя и была еще преждевременной, но чуть-чуть не завершилась триумфом; если она и не победила, то создала необходимые политические условия для победы в 1917 году. Скажу еще больше. Читали ли вы биографию Троцкого? Припомните ее первый революционный период. Он еще совсем молодой человек; после своего бегства из Сибири он жил некоторое время среди эмигрантов в Лондоне, Париже и Швейцарии;

Ленин, Плеханов, Мартов и прочие главари смотрят на него только как на обещающего новообращенного. Но он уже осмеливается во время первого раскола держаться независимо, пытаясь стать арбитром объединения. В 1905 году ему исполняется 25 лет и он возвращается в Россию один, без партии и без собственной организации. Прочитайте отчеты о революции 1905 года, не «прочищенные» Сталиным; например, Луначарского, который не был троцкистом, Троцкий является первой фигурой во время революции в Петрограде. Это действительно так и было. Только он один выходит из нее, обретая влияние и популярность. Ни Ленин, ни Мартов, ни Плеханов не завоевывают популярности. Они только сохраняют ее или даже несколько утрачивают. Как и почему возвышается неведомый Троцкий, одним взмахом приобретающий власть более высокую, чем та, которую имели самые старые и влиятельные революционеры? Очень просто: он женится. Вместе с ним прибывает в Россию его жена — Седова. Знаете вы, кто она такая? Она дочь Животовского, объединенного с банкирами Варбургам, компаньонами и родственниками Якова Шиффа, т. е. той финансовой группы, которая, как я говорил, финансировала также революцию 1905 года. Здесь причина, почему Троцкий одним махом становится во главе революционного списка. И тут же вы имеете ключ к его настоящей персональности. Сделаем скачок к 1914 году. За спиной людей, покушавшихся на эрцгерцога, стоит Троцкий, а это покушение вызвало европейскую войну. Верите ли вы действительно тому, что покушение и война — это просто только случайности... как это сказал на одном сионистском конгрессе Лорд Мельчет. Проанализируйте в свете «неслучайного» развитие боевых действий в России. «Пораженчество» — это образцовое дело. Помощь союзников царю была урегулирована и дозифицирована с таким искусством, что дала право союзным посланникам выставить это как аргумент и добиться от Николая, благодаря его глупости, самоубийственных

наступлений — одного вслед за другим. Масса русского пушечного мяса была колоссальна, но не неисчерпаема. Организованный ряд поражений привел за собой революцию. Когда угроза нависла со всех сторон, то нашлось средство в виде установления демократической республики — «Посольской республики», как назвал ее Ленин, т. е. это означало обеспечение безнаказанности для революционеров. Но это еще не все. Керенский должен спровоцировать будущее кровопролитное наступление. Он реализует его с той целью, чтобы демократическая революция вышла из берегов. И даже еще больше: Керенский должен сдать целиком государство коммунизму, и он это и завершает. Троцкий имеет возможность «неприметным образом» оккупировать весь государственный аппарат. Что за странная слепота?.. Вот это-то и есть реальность в столь воспеваемой Октябрьской Революции. Большевики взяли то, что «Они» им вручили.

Г. — Вы осмеливаетесь говорить, что Керенский был сообщником Ленина?

Р. — Ленина — нет. Троцкого — да; правильнее сказать — сообщником «Их»

Г. — Абсурд!..

Р. — Вы не можете понять... именно вы?.. Меня это удивляет. Если бы вы, будучи шпионом и скрывая свою персональность, добились того, что стали бы начальником вражеской крепости... то разве вы не открыли бы ворота тем атакующим силам, которым вы по-настоящему служили?.. Не сделались бы вы пленником, потерпевшим поражение?.. Разве вы не подвергались бы опасности смерти во время наступления на крепость, если какой-либо осаждающий, не зная о том, что ваша форма является только маскировкой, принял бы вас за

врага? Поверьте мне: несмотря на статуи и мавзолеи, коммунизм обязан Керенскому гораздо больше, чем Ленину.

Г. — Вы хотите сказать, что Керенский был сознательным и добровольным пораженцем?

Р. — Да, для меня это очевидно. Поймите, что я во всем этом лично принимал участие. Но я вам скажу еще больше. Знаете ли вы, кто финансировал Октябрьскую Революцию?.. Ее финансировали «Они», в частности через тех же самых банкиров, которые финансировали Японию и революцию в 1905 году, а именно через Якова Шиффа и братьев Варбургов; это значит, через великое банковское созвездие, через один из пяти банков — членов Федерального Резерва — через банк Кун, Леб и К°; здесь же принимали участие и другие американские и европейские банкиры, как Гугенхейн, Хенеауер, Брайтунг, Ашберг, «Nuа Banken», это из Стокгольма, Я «случайно» там был... там, в Стокгольме, и принимал участие в перемещении фондов. Пока не прибыл Троцкий, я был единственным человеком, который выступал посредником с революционной стороны. Но наконец прибыл Троцкий; я должен подчеркнуть, что союзники изгнали его из Франции за то, что он был пораженцем. И те же самые союзники освободили его для того, чтобы он был пораженцем в союзной России... «Другая случайность». Кто же добился этого? Те самые, которые добились, чтобы Ленин проехал через Германию, Да, «Им» удалось перетащить Троцкого-пораженца из Канадского лагеря в Англию и доставить его в Россию, дав ему возможность свободно пройти через все контроли союзников; другие из «Них» — некто Ратенау — добиваются проезда Ленина через враждебную Германию. Если вы возьметесь изучать историю революции и гражданской войны без предубеждений и пустите в ход все свои исследовательские способности, которые вы умеете применять к вещам менее важным и менее очевидным, то, изучая

сведения в их совокупности, а также изучая отдельные детали вплоть до анекдотичных явлений, вы встретитесь с целым рядом «поразительных случайностей».

Г. — Хорошо, примем за гипотезу, что не все было просто удачей. Какой вывод делаете вы здесь для практических результатов?

Р. — Дайте мне закончить эту маленькую историю, а затем мы вместе сделаем выводы... Со времени своего прибытия в Петроград Троцкий был открыто принят Лениным. Как вы знаете достаточно хорошо, за время в промежутке между двумя революциями, между ними имелись глубокие разногласия. Всё забывается, и Троцкий оказывается мастером своего дела в деле триумфа революции, хочет этого Сталин или не хочет. Почему?.. Этот секрет известен жене Ленина — Крупской. Ей известно, кто такой Троцкий в действительности; это она уговаривает Ленина принять Троцкого. Если бы он его не принял, то Ленин остался бы заблокированным в Швейцарии; это одно было уже для него серьезной причиной, и кроме того, он знал о том, что Троцкий доставлял деньги и способствовал получению колоссальной интернациональной помощи; доказательством этого служил запломбированный вагон. Затем делом Троцкого, а не результатом железной непоколебимости Ленина, было также и дело объединения вокруг незначительной партии большевиков всего левого революционного крыла, социал-революционеров и анархистов. Не напрасно настоящей партией «беспартийного» Троцкого был древний «Бунд» еврейских пролетариев, из которого родились все московские революционные ветви и которым он дал на девяносто процентов своих руководителей; не официальный и общеизвестный Бунд, а Бунд секретный, вкрапленный во все социалистические партии, вожди каковых почти что все находились под их руководством.

Г. — И Керенский тоже?

Р. — Керенский тоже... и еще некоторые вожди не социалисты, вожди политических буржуазных фракций.

Г. — Как так?..

Р. — Вы забываете о роли масонства в первой фазе демократически-буржуазной революции?

Г. — Она тоже подчинялась Бунду?

Р. — Разумеется, в качестве ближайшей ступеньки, но фактически подчинялась «Им».

Г. — Несмотря на вздымающийся прилив марксизма, который угрожал также их жизни и привилегиям?

Р. — Несмотря на все это; понятно, что они не видели такой опасности. Имейте в виду, что каждый масон видел и думал увидеть в своем воображении больше, чем было в реальности, потому что он воображал себе то, что ему было выгодно. Доказательством политического могущества их ассоциации для них являлось то, что масоны находились в правительствах и во главе буржуазных государств, причем количество их все время увеличивалось. Имейте в виду, что в те времена все правители союзных наций были масонами за очень малыми исключениями... Это был для них аргумент большой силы. Они верили целиком в то, что революция задержится на буржуазной республике французского типа.

Г. — Согласно тем картинам, которые мне рисовали о России в 1917 году, нужно было бы быть очень наивным человеком, чтобы верить всему этому...

Р. — Они такими были и есть. Масоны не научились ничему из того первого урока, каким была для них Великая Революция, в которой они играли колоссальную революционную роль; она пожрала большинство масонов, начиная со своего Великого Мастера Орлеанской ложи, правильней сказать, масона Людовика 16-го, чтобы затем продолжать уничтожать жирондистов, гебертистов, якобинцев и т. д, и если кто-либо выжил, то это получилось в результате месяца Брюмера.

Г. — Не хотите ли вы сказать, что масоны принуждены умирать от руки революции, вызванной при их же содействии?

Р. — Совершенно точно. Вы сформулировали истину, обладающую большой тайной. Я масон, вы уже знали об этом. Не так ли?.. Ну так вот я расскажу вам, что это за такой большой секрет, который обещают раскрыть масону на одной из высших степеней... но который ему не раскрывается ни на 25-й, ни на 33-й, ни на 93-й и ни на какой самой высокой степени любого ритуала... Ясно, что я знаю об этом не как масон, а как принадлежащий к «Ним».

Г. — И каков он?

Р. — Каждая масонская организация стремится добиться и создать все необходимые предпосылки для триумфа коммунистической революции; это — очевидная цель масонства, ясно, что все это делается под различными предлогами, но они всегда прикрываются своей известной трилеммой. Понимаете?.. А так как коммунистическая революция имеет в виду ликвидацию, как класса, всей буржуазии, физическое уничтожение всех буржуазных политических правителей, то настоящий секрет масонства — это самоубийство масонства как организации, и физическое самоубийство каждого более-менее значительного масона... Вы, конечно, можете понять, что по-

добный конец, подготовляемый масону, вполне заслуживает тайны, декоративности и включения еще целого ряда других секретов, с целью скрыть настоящий... Если когда-нибудь вам случится присутствовать при какой-нибудь будущей революции, то не упустите случая понаблюдать жесты удивления и отражение глупости на лице какого-нибудь масона в момент, когда он убеждается в том, что должен умереть от руки революционеров... Как он кричит и хочет, чтобы оценили его заслуги перед революцией!.. Это зрелище, при виде которого тоже можно умереть, но от смеха.

Г. — И вы еще отрицаете врожденную глупость буржуазии?

Р. — Я отрицаю ее у буржуазии как у класса, но не в определенных секторах. Наличие сумасшедших домов не обозначает еще всеобщего сумасшествия. Массонство — это тоже сумасшедший дом, только на свободе... Но я продолжаю дальше: революция победила, завершился захват власти. Встает первая проблема: мир, а с ним и первые разногласия внутри партии, в какой-то участвуют силы коалиции, пользующиеся властью... Я не буду излагать вам того, что слишком хорошо известно, насчет борьбы, развернувшейся в Москве между приверженцами и противниками Брестского мира, Я только укажу вам на то, что уже здесь определилось и выявилось то, что потом было названо троцкистской оппозицией, т. е. это люди, часть которых в данный момент уже ликвидирована, а другая часть должна быть ликвидирована, все они были против подписания мирного договора. Этот мир был ошибкой и бессознательной изменой Ленина Интернациональной Революции. Представьте себе большевиков, заседающих в Версале на Мирной Конференции, а затем в Лиге Наций, очутившимися внутри Германии с Красной Армией, вооруженной и увеличенной союзниками. Советское государство должно было включиться с оружием в руках в немецкую революцию... Совсем другой по-

лучилась бы тогда европейская карта. Но Ленин, опьяненный властью, при содействии Сталина, который тоже уже попробовал сладость власти, поддерживаемые национальным русским крылом партии, располагая материальной силой, навязали свою волю. Тогда вот и родился «социализм в одной стране», т. е. национал-коммунизм, достигший на сегодняшний день своего апогея при Сталине. Само собой разумеется, что происходила борьба, но только в такой форме и в таких размерах, чтобы коммунистическое государство не было разгромлено; условие это было обязательным для оппозиции на все время ее последующей борьбы вплоть до сегодняшнего дня. Это и была причина нашей первой неудачи и всех тех, которые за ней последовали. Но борьба была жестокая, хотя и скрытая с той целью, чтобы не скомпрометировать наше участие во власти. Троцкий организовал при помощи своих связей покушение Каплан на Ленина. По его приказу Блюмкин убил посла Мирбаха. Государственный переворот, подготовлявшийся Спиридоновой с ее социал-революционерами, был согласован с Троцким. Его человеком для всех этих дел, стоявшим вне подозрения, был тот Розенблум, литовский еврей, который пользовался именем О'Рейли и был известен, как лучший шпион при Британской Интеллидженс. На самом деле это был человек от «Них». Причиной того, что был избран этот знаменитый Розенблум, известный только как английский шпион, было то, что в случае провала ответственность за покушения и заговоры падала бы не на Троцкого и не на нас, а на Англию. Так оно и случилось. Благодаря гражданской войне мы отказались от конспиративных и террористических методов, ибо нам предоставлялась возможность держать в наших руках реальные силы государства, поскольку Троцкий сделался организатором и начальником советской армии; до этого армия непрерывно отступала перед белыми и территория СССР уменьшалась до размеров прежнего Московского княжества. Но тут, как по мановению волшебной палочки, она начина-

ет побеждать. Как вы думаете, почему?.. Посредством магии или по случайности? Я вам скажу, когда Троцкий взял на себя высшее командование Красной Армией, то он, таким образом, уже имел в своих руках силы, необходимые для захвата власти. Ряд побед должен был увеличить его престиж и силы: белых уже можно было разгромить. Считаете ли вы правдивой ту официальную историю, каковая приписывает разоруженной и недисциплинированной Красной Армии тот факт, что при ее содействии был достигнут ряд советских побед?..

Г. — А кому же тогда?..

Р. — На девяносто процентов они обязаны этим «Им». Вы не должны забывать, что белые были по-своему демократичны. С ними были меньшевики и остатки всех старых либеральных партий. Внутри этих сил «Они» всегда имели на службе много людей сознательных и несознательных. Когда Троцкий начал командовать, то эти люди получали приказ начать систематически изменять белым и одновременно им было дано обещание на участие — в более или менее скором времени — в советском правительстве. Майский был одним из таких людей, одним из немногих, для кого это обещание было выполнено; но он смог добиться этого только после того, как Сталин убедился в его лояльности. Этот саботаж в соединении с прогрессивным уменьшением помощи союзниками белым генералам, которые, помимо всего этого, были несчастными идиотами, заставил их терпеть поражение за поражением... Наконец Вильсон ввел в свои знаменитые 14 пунктов пункт № 6, наличие которого было достаточно для того, чтобы раз навсегда прекратить попытки белых воевать с СССР. Гражданская война укрепляет позиции Троцкого для перехвата власти у Ленина. Так оно и было, вне сомнения. Старому революционеру можно было уже умереть, будучи прославленным. Если он остался в живых после Каплан, то он

не вышел живым после тайного процесса для насильственного прекращения его жизни, которому он был подвергнут.

Г. — Троцкий сократил его жизнь?.. Это большой гвоздь для вашего процесса!.. Не Левин ли лечил Ленина?

Р. — Троцкий?.. Пожалуй, он не принимал участия, но вполне не точно то, что он об этом знал. Ну, а что касается технической реализации... это несущественно; кто это знает?.. «Они» располагают достаточным количеством каналов для того, чтобы пробраться туда, куда они хотят.

Г. — Во всяком случае убийство Ленина является делом первостепенной важности, и стоило бы перенести его для рассмотрения на следующий процесс... Как вам кажется, Раковский, если вы случайно окажетесь автором этого дела?.. Ясно, в случае, если вы потерпите неудачу в этом разговоре... Техническое выполнение очень подходит к вам, как медику...

Р. — Я вам не советую этого. Оставьте это дело в покое; оно достаточно опасно лично для самого Сталина. Вы сможете распространять свою пропаганду так, как вам это будет нравиться, но «Они» имеют свою пропаганду, более мощную, и вопрос о том, «кто выгадывает», заставит видеть в Сталине убийцу Ленина, и этот аргумент будет сильнее всех признаний, вырванных от Левина, от меня или еще от кого-нибудь.

Г. — Что вы хотите этим сказать?

Р. — То, что классическим и безошибочным правилом для выявления убийцы является проверка того факта, кому это убийство выгодно... а что касается убийства Ленина, то в этом случае оказался в выигрыше его шеф — Сталин. Подумайте насчет этого, и я очень прошу вас не делать этих введе-

ний, так как они меня отвлекают и не дают мне возможности докончить.

Г. — Хорошо, продолжайте, но вы уже знаете...

Р. — Общеизвестно, что если Троцкий не наследовал Ленину, то не потому, что по человеческим соображениям в плане чего-нибудь не хватало. Во время болезни Ленина у Троцкого в руках находились нити власти, более чем достаточные для того, чтобы он мог наследовать Ленину. И даже были приняты меры для объявления смертного приговора Сталину; Троцкому-диктатору достаточно было бы иметь в руках письмо Ленина против его тогдашнего шефа Сталина, которое вырвала от своего супруга Крупская, чтобы ликвидировать Сталина. Но глупая случайность, как вы знаете, разрушила все наши планы. Троцкий случайно заболевает и в решительный момент, когда умирает Ленин, он делается неспособным к какой-либо деятельности на срок в несколько месяцев. Несмотря на наличие у него огромных преимуществ, препятствием явилась наша организация дела, т. е. персональная централизация. Ясно, что такая личность как Троцкий, подготовленная для миссии, каковую он должен был реализовать, не может быть создана вдруг, по импровизации. Никто из нас, ни даже Зиновьев, не обладали нужными подготовкой и способностями для этого дела; с другой стороны, Троцкий, опасаясь, чтобы его не смогли вытеснить, не желал сам никому способствовать. Таким образом, когда после смерти Ленина нам пришлось стать лицом к лицу со Сталиным, развившим лихорадочную деятельность, то мы уже тогда предвидели свое поражение в Центральном Комитете. Мы должны были импровизировать решение: таким было решение объединиться со Сталиным, сделаться сталинистами больше, чем он сам, преувеличивать во всем, а следовательно — саботировать. Остальное вам уже известно: наша непрерывная подпольная борьба и постоянный провал ее

перед Сталиным, каковой выявляет гениальные полицейские способности, абсолютно не имеющие равных себе в прошлом. И даже больше: Сталин, обладая национальным атавизмом, который не был в нем искоренен его начальным марксизмом, по-видимому, по этой причине подчеркивает свой панрусизм, а в связи с этим возрождает класс, с которым мы должны были покончить, а именно класс национал-коммунистов — в противовес коммунистам-интернационалистам, каковыми являемся мы. Он ставит Интернационал на службу СССР, и тот уже ему подчиняется. Если мы захотим найти историческую параллель, то нам придется указать на бонапартизм, а если захотим найти личность в типе Сталина, то мы не найдем для него исторической параллели. Но я, пожалуй, найду ее в основных чертах, соединив двоих: Фуше и Наполеона. Попробуем лишить этого последнего его второй половины, его аксессуаров, формы, военного чина, короны и тому подобных вещей, которые, как кажется, не соблазняют Сталина, и тогда они вместе дадут нам тип, идентичный Сталину в самом главном: он душегуб революции, он не служит ей, но пользуется ее услугами; он отождествляет самый древний русский империализм, подобно тому как Наполеон отождествил себя с галлом; он создал аристократию, если не военную, поскольку не имеется налицо побед, то бюрократически-полицейскую.

Г. — Хватит уже, Раковский. Вы здесь находитесь не для того, чтобы заниматься троцкистской пропагандой. Дойдете ли вы, в конце концов, до чего-нибудь конкретного?..

Р. — Ясно, что дойду, но не раньше чем достигну того, чтобы вы сформулировали бы себе некоторое, хотя бы поверхностное суждение о «Них», с которыми вам придется считаться на практике и в конкретной действительности. Не раньше. Мне гораздо важнее, чем вам, не потерпеть неудачи, что вы должны, конечно, понимать.

Г. — Ну так сократитесь, насколько это будет возможно.

Р. — Наши неудачи, которые обостряются из года в год, препятствуют немедленному выполнению того, что подготовили «Они» в послевоенный период для дальнейшего прыжка революции вперед. Версальский договор, весьма необъяснимый для политиков и экономистов всех народов, поскольку никто не мог отгадать его проекции, являлся самой решающей предпосылкой для революции.

Г. — Это очень любопытная теория. Как вы ее объясните?..

Р. — Версальские репарации и экономические ограничения не определялись выгодами отдельных наций. Абсурдность их с арифметической стороны была настолько очевидна, что даже самые выдающиеся экономисты из победивших государств вскоре ее разоблачили. Только одна Франция требовала на репарации несравненно больше, чем стоили все ее национальные владения, больше, чем нужно было бы уплатить в случае, если бы вся Франция была превращена в Сахару, еще хуже было решение наложить на Германию платежи, во много раз большие, чем она могла уплатить, даже запродав себя саму целиком и отдав всю свою национальную продукцию. В конце концов, реальным результатом этого явилось то, что на практике заставили Германию проделать фантастический демпинг для того, чтобы она смогла заплатить что-нибудь в счет репараций. А в чем же заключался демпинг?.. Недостаточность продуктов потребления, голод в Германии и в соответствующей же мере — безработица в импортирующих странах. А раз они не могли импортировать, то была безработица и в Германии. Голод и безработица на одной и другой стороне; все это первые последствия Версаля... Был ли революционным этот договор или нет? Было сделано еще больше: предприняли в интернациональном плане одинаковую регламентацию... Знаете ли вы, что пред-

ставляет собой это мероприятие в революционном плане?.. Это значит навязать анархический абсурд, заставить любую национальную экономику производить в достаточном количестве свое собственное, полагая, что для достижения этого безразличен климат, натуральные источники богатств и также техническое образование директоров и рабочих. Средством для того, чтобы компенсировать прирожденное неравенство почв, климата, наличия минералов, нефти и т. д. и т. п. в разных народных хозяйствах, являлось всегда то, что бедные страны должны были больше работать; что значит — они должны были глубже эксплуатировать способности рабочей силы для того, чтобы сократить разницу, получившуюся в результате бедности почв; а к этому добавляется еще ряд других неравенств, каковые должны были компенсироваться подобными же мерами, возьмем для примера промышленное оборудование, Я не буду распространяться дальше, но регламентация рабочего дня, проведенная Союзом Объединенных Наций на основе абстрактного принципа равенства рабочего дня, являлась реальностью в рамках оставшейся без изменений международной капиталистической системы производства и обмена и установила экономическое неравенство, ибо тут было налицо пренебрежение целью труда, каковой является достаточное производство. Непосредственным результатом этого была недостаточность производства, компенсируемая импортом из стран с достаточным натуральным хозяйством и индустриальным самоснабжением; постольку поскольку в Европе имелось золото, импорт этот оплачивался золотом. Затем мнимое процветание в США, обменивавшими свою баснословную продукцию на золото и золото в билетах, каковые имелись в изобилии. Подобно любой анархии производства, создалась в тот период невиданная финансовая анархия. «Они» воспользовались ею под предлогом помощи ей при посредстве другой еще большей анархии: инфляции официальной монеты и еще в сто раз большей инфляции своей собственной валюты, кредитных денег, т. е. фальшивых денег.

Припомните, как последовательно получились девальвации во многих странах; обесценивание денег в Германии, американский кризис и его баснословное воздействие... — рекордная безработица; больше тридцати миллионов безработных только в Европе и в США. Так вот не послужил ли Версальский договор и его Лига Наций в качестве революционной предпосылки?..

Г. — Это могло бы случиться и помимо желания. Не смогли бы вы доказать мне, почему революция и коммунизм отступают перед логическими выводами; и больше того: они противостоят фашизму, победившему в Испании и в Германии... Что вы мне скажете?

Р. — Скажу, что только в случае непризнания «Их» и их цепей вы бы были правы... но вы не должны забывать об их существовании и об их целях, а также того факта, что в СССР владеет властью Сталин.

Г. — Я не вижу тут связи...

Р. — Потому что не хотите: у вас есть больше, чем надо, индуктивных талантов и элементов суждения. Я еще раз повторяю: для нас Сталин не коммунист, а бонапартист.

Г. — Ну и что?

Р. — Мы не желаем, чтобы созданные нами в Версале крупные предпосылки для торжества коммунистической революции в мире, каковые, как вы видите, стали гигантской реальностью, послужили бы тому, чтобы дать восторжествовать сталинскому бонапартизму... Вам это достаточно ясно? Было бы все по-другому, если бы в этом случае диктатором в СССР был Троцкий; это означает, что главой интернационального коммунизма сделались бы «Они».

Г. — Но ведь фашизм целиком антикоммунистичен, как в отношении троцкистского, так и сталинского коммунизма... и если власть, которую вы приписываете «Им», так велика, то как же они не смогли избежать его?

Р. — Так как это именно «Они» дали Гитлеру возможность торжества.

Г. — Вы побиваете все границы абсурда.

Р. — Абсурдное и чудесное смешиваются в результате недостатка культуры. Выслушайте меня. Я уже признал поражение оппозиции, «Они», в конце концов, увидели, что Сталин не может быть низвергнут путем государственного переворота, и их исторический опыт продиктовал им решение «bis» (повторение): проделать со Сталиным то, что было сделано с царем.

Имелось тут одно затруднение, казавшееся нам непреодолимым. Во всей Европе не было государства-агрессора. Ни одно из них не было расположено удобно в географическом отношении и не обладало армией, достаточной для того, чтобы атаковать Россию. Если такой страны не было, то «Они» должны были создать ее. Только одна Германия располагала соответствующим населением и позициями, удобными для нападения на СССР и была способна нанести Сталину поражение; вы можете понять, что Веймарская Республика не была задумана как агрессор ни с политической, ни с экономической стороны; наоборот, она была удобна для вторжения. На горизонте голодной Германии заблестала скоротечная звезда Гитлера. Пара пронизательных глаз остановила на ней свое внимание. Мир явился свидетелем его молниеносного возвышения. Я не скажу, что все это было делом наших рук, нет. Его возвышение, непрерывно нараставшее в размерах, произошло благодаря революционно-коммунистической эконо-

мике Версаля. Версаль имел в виду создать предпосылки не для торжества Гитлера, а для пролетаризации Германии, для безработицы и голода, в результате которых должна была бы восторжествовать там коммунистическая революция. Но, поскольку, благодаря наличию Сталина во главе СССР и Интернационала, таковая не удалась, то вследствие нежелания отдать Германию новому Бонапарту, в планах Дэвиса и Юнга эти предпосылки были частично смягчены в ожидании, пока в России восторжествует оппозиция... Но и этого не случилось, а наличие революционных предпосылок должно было дать свои результаты. Экономическая предопределенность Германии принудила бы пролетариат к революционным действиям. По вине Сталина пришлось задержаться социал-интернациональной революции, и германский пролетариат просился в национал-социалистическую революцию. Это было диалектично, но при наличии всех своих предпосылок и по здравому смыслу никогда не могла бы восторжествовать там революция национал-социалистическая. Это было еще не все. Нужно было, чтобы троцкисты и социалисты распределили бы массы с уже пробудившимся и цельным классовым сознанием — согласно инструкциям. Этим делом уже занялись мы. Но было необходимо еще больше: в 1929 году, когда национал-социалистическая партия начинает переживать кризис роста и у нее не хватает финансовых ресурсов, «Они» посылают туда своего посла. Я знаю даже его имя; это был один из Варбургов. В прямых переговорах с Гитлером договариваются о финансировании национал-социалистической партии, и этот последний за пару лет получает миллионы долларов, пересланных ему с Уолл Стрита и миллионы марок от немецких финансистов через Шахта; содержание СА и СС, а также финансирование происходивших выборов, давших Гитлеру власть в руки, делается на доллары и марки, присланные «Ими».

Г. — Те, которые, по-вашему, стремятся к полному комму-

низму, вооружают Гитлера, каковой клянется в том, что искренит первый народ-коммунист. Это, если верить вам, нечто весьма логичное для финансистов.

Р. — Вы опять забываете о сталинском бонапартизме. Припомните, что против Наполеона, душителя французской революции, укравшего у нее силы, стояли объективные революционеры — Людовик 18-й, Веллингтон, Меттерних и вплоть до царя-самодержца. Это — по строгой сталинской доктрине в двадцать два карата. Вы должны знать на память его тезисы о колониях в отношении к империалистическим странам. Да, по нему эмир Афганистана и король Фарук объективно являются коммунистами в силу своей борьбы против ее Величества королевы Англии; почему же не может быть объективно коммунистом Гитлер, раз он борется с самодержавным царем «Кобой I»? В конце концов, в общем, вот перед вами Гитлер со своей нарастающей военной мощью, и уже сейчас расширяющий свой 3-й рейх, а в будущем еще больше... до такой степени, чтобы иметь достаточно сил и возможностей напасть и целиком разбить Сталина... Вы не наблюдаете разве всеобщего благодушия версальских волков, которые ограничиваются лишь слабым рычанием?. Что это, еще одна случайность?.. Гитлер вторгнется в СССР, и подобно тому, как это было в 1917 году, когда поражение, которое потерпел в те времена царь, дало нам возможность его низвергнуть, поражения, нанесенные Сталину, послужат нам для его свержения... Опять пробьет час для мировой революции. Ибо демократические государства, сейчас усыпленные, помогут реализовать всеобщую перемену в тот момент, когда Троцкий возьмет в руки власть, как во время гражданской войны. Гитлер будет атаковать с запада, его генералы восстанут и ликвидируют его... Ну так вот, был ли Гитлер объективно коммунистом? Да или нет?

Г. — Я не верю ни в басни, ни в чудеса...

Р. — Ну, если вы уже не хотите верить в то, что «Они» в состоянии реализовать то, что «Они» уже реализовали, приготовьтесь присутствовать при вторжении в СССР и ликвидации Сталина раньше, чем через год. Вы думаете, что это чудо или случайность, ну, так приготовьтесь к тому, чтобы присутствовать при этом и пережить это... Но неужели вы в состоянии отказаться поверить тому, о чем я говорил, хотя это, пока что только гипотеза?.. Вы начнете действовать в этом направлении только в тот момент, когда начнете видеть доказательства в свете моего разговора.

Г. — Хорошо, будем говорить в предположительной форме. Что вы скажете?

Р. — Вы сами обратили внимание на совпадение мнений, которое произошло у нас. Нас не интересует сейчас нападение на СССР, ибо падение Сталина предположило бы разгром коммунизма, существование которого интересует нас, несмотря на то, что он формальный; ибо это дает нам уверенность в том, что нам удастся овладеть им и затем превратить его в реальный коммунизм. Мне кажется, что я вполне точно сообщил положение на настоящий момент.

Г. — Великолепно; решение...

Р. — Прежде всего мы должны добиться того, чтобы не существовала потенциальная возможность нападения Гитлера.

Г. — Если, как вы подтверждаете, это «Они» сделали его фюрером, то у них есть над ним власть и он должен им подчиняться,

Р. — Благодаря тому, что я торопился и выразился не совсем правильно, вы меня не поняли хорошо. Если верно то,

что «Они» финансировали Гитлера, то это не означает того, что они раскрыли ему свое существование и свои цели. Посланник Варбург представился ему под фальшивым именем, и Гитлер даже не догадывается о его расе; он также солгал насчет того, чьим он является представителем. Он сказал ему, что послан финансовыми кругами Уолл Стрита, заинтересованными в финансировании национал-социалистического движения в целях создания угрозы Франции, правительства какой-то ведут финансовую политику, вызывающую кризис в США.

Г. — И Гитлер поверил этому?..

Р. — Мы этого не знаем. Это не было так важно, поверил он или нет нашим объяснениям; нашей целью была провокация войны... а Гитлер — это была война. Поняли теперь?

Г. — Понял. Следовательно, я не вижу никакого другого способа сдержать его, как создать коалицию СССР с демократическими нациями, способную запугать Гитлера, Как я думаю, он не будет в состоянии броситься одновременно против всех государств мира. Самое большее — на каждое по очереди.

Р. — Не приходит ли вам в голову более простое решение... я бы сказал, контрреволюционное?..

Г. — Избежать войны против СССР?..

Р. — Сократите фразу наполовину... и повторите со мной «избежать войны»... разве это не абсолютно контрреволюционная вещь? Каждый искренний коммунист, подражающий своему идолу Ленину и самым великим революционным стратегам, всегда должен жаждать войны. Ничто так не приближает торжества революции, как война. Это марксистско-ленин-

ская догма, которую вы должны исповедовать. Теперь дальше: сталинский национал-коммунизм, этот своего рода бонапартизм, способен ослепить рассудок самых чистокровных коммунистов вплоть до того, чтобы помешать им увидеть то переключение, в которое впал Сталин, т. е., что он подчиняет революцию государству, а не государство революции, что было бы правильно...

Г. — Ваша ненависть к Сталину ослепляет вас, и вы сами себе противоречите... Разве мы не согласились на том, что нападение на СССР было бы нежелательно?

Р. — А почему же война должна быть обязательно против Советского Союза?..

Г. — А на какое же другое государство Гитлер может напасть?.. Достаточно ясное дело, что он направит свою атаку на СССР, об этом он говорит в своих речах. Какие вам еще нужны доказательства?..

Р. — Если вы, люди из Кремля, считаете ее вполне определенной и бесспорной, то почему вы вызвали гражданскую войну в Испании? Не говорите мне, что это было сделано из чисто революционных соображений. Сталин не способен воплотить в жизнь ни одной марксистской теории. Если бы тут имелись революционные причины, то было бы неправильно погубить в Испании столько, да еще великолепных, интернациональных революционных сил. Это самое отдаленное от СССР государство, и самое элементарное стратегическое образование не допустило бы дать угробить эти силы... Как мог бы Сталин в случае конфликта снабжать и оказывать военную поддержку советской Испанской Республике?.. Но это было правильно. Там имеется важный стратегический пункт, скрещение противоположных влияний капиталистических

государств... можно было бы спровоцировать войну между ними. Я признаю, что теоретически это было правильно, но на практике — нет. Вот вы уже видите, как не вспыхнула война между демократическим капитализмом и фашистским... А теперь я вам скажу: если Сталин считал, что он способен сам создать повод, достаточный для того, чтобы спровоцировать войну, в которой пришлось бы воевать между собой капиталистическим государствам... то почему он не должен допустить, по крайней мере хоть теоретически, что и другие смогут достичь того же, что для него самого не казалось невозможным?..

Г. — Если согласиться с вашими предпосылками, то эту гипотезу можно допустить.

Р. — Значит, у нас есть уже и второй пункт соглашения; первый, — чтобы не было войны против СССР; второй, — что хорошо было бы вызвать таковую между буржуазными государствами.

Г. — Да, согласен. Это ваше личное мнение или мнение «Их»?..

Р. — Я высказываю это как свое мнение. У меня нет власти и нет контакта с «Ними», но я могу подтвердить, что в этих двух пунктах оно совпадает с мнением Кремля.

Г. — Это самое главное, и поэтому важно установить это предварительно. Кстати, я хотел бы уж знать, на чем вы основываетесь в своей уверенности, что «Они» одобряют это.

Р. — Если бы я располагал временем для того, чтобы нарисовать их полную схему, то вы бы уже знали о причинах их одобрения. В данный момент я сокращаю их до трех.

Г. — Какие именно?

Р. — Одна — это то, что я сообщал. Гитлер, этот необразованный элементарный человек, восстановил в силу своей природной интуиции и даже вопреки техническому мнению Шахта, экономическую систему очень опасного типа. Будучи безграмотным во всех экономических теориях и подчиняясь только необходимости, он устранил, подобно тому, как мы сделали это в СССР, частный и интернациональный капитал. Это значит, он присвоил себе привилегию фабриковать деньги и не только физические, но и финансовые; он взялся за нетронутую машину фальсификации и пустил ее в ход на пользу государства. Он превзошел нас, так как мы, упразднив ее в России, заменили ее лишь только этим грубым аппаратом, называемым государственным капитализмом, это был очень дорого оплаченный триумф в силу необходимости предреволюционной демагогии. Вот вам два реальных факта для сравнения. Скажу даже, что Гитлеру благоприятствовало счастье; он почти что не имел золота и поэтому не впал в искушение создать золотой стандарт. Поскольку он располагал только полной денежной гарантией техники и колоссальной работы немцев, то его «золотым вкладом» стали техника и работа... нечто настолько вполне контрреволюционное, что, как вы уже видите, он как бы при помощи волшебства радикально устранил безработицу среди более чем семи миллионов техников и рабочих.

Г. — Благодаря ускоренному перевооружению.

Р. — Что дает ваше вооружение?.. Если Гитлер дошел до этого вопреки всем окружающим его буржуазным экономистам, то он был бы вполне способен, при отсутствии опасности войны, применить свою систему и к мирной продукции... В состоянии ли вы представить, что бы получилось из этой системы, увлекшей за собой некоторое количество государств

и приведшей к тому, что они создали бы период автаркии?.. Например, Коммонвелс. Если можете, то вообразите себе его контрреволюционные функции... Опасность пока еще не неизбежна, ибо нам посчастливилось в том, что Гитлер восстановил свою систему не по какой-либо предшествующей теории, а эмпирически, и не сделал формулировок научного характера. Это означает, что, поскольку он не размышлял путем основанного на разуме дедуктивного процесса, то у него не имеется ни научных терминов, ни сформулированной доктрины; все же имеется налицо скрытая опасность, ибо в любой момент может появиться — путем дедукции — формулировка. Это очень серьезно... Гораздо более, чем все показное и жестокое в национал-социализме. Мы не атакуем его в своей пропаганде, так как может случиться что через теоретическую полемику сами вызовем формулировку и систематизацию этой, столь решающей, экономической доктрины. Имеется только одно средство: война.

Г. — И второй мотив?

Р. — Если в советской революции восторжествовал Термидор, то это произошло в силу существования прежнего русского национализма. Без подобного национализма невозможен был бы бонапартизм, и если так произошло в России, где национализм был только зачаточным в личности царя, то какие только помехи не встретит марксизм в национализме Западной Европы, вполне развитом?.. Маркс ошибся в отношении преимущества для торжества революции. Марксизм победил не в более индустриализированной стране, но в России, где пролетариат почти что отсутствовал. Помимо других причин, наша победа здесь объясняется тем, что в России не было настоящего национализма, а в других государствах он был в своем полном апогее... Вы видите, как он воскресает под этой необыкновенной властью фашизма и как он заразителен. Вы

можете понять, что, не глядя на то что это может послужить на пользу Сталину, уже только одна необходимость пресечения национализма в Европе вполне заслуживает войны.

Г. — В итоге: вы изложили, Раковский, одну причину экономическую и одну — политическую. Какая же третья?

Р. — Это легко отгадать. У нас есть еще причина религиозная, Коммунизм не сможет быть победителем, если он не подавит оставшееся еще в живых христианство. История очень красноречиво говорит об этом; перманентной революции понадобилось семнадцать веков, чтобы добиться своей первой частичной победы — путем создания первого раскола среди христианства. В действительности, единственным нашим врагом является христианство, ибо все политические и экономические явления в буржуазных государствах — это только его последствия. Христианство, управляя индивидуумом, способно аннулировать революционную проекцию нейтрального советского или атеистического государства путем ее удушения, и, как мы видим это в России, дело дошло до создания того духовного нигилизма, который царит в господствующих массах, оставшихся все же христианскими; это препятствие не преодолено еще и за двадцать лет марксизма. Признаем за Сталиным то, что в отношении религии он не был бонапартистом. Мы не сделали бы больше, чем он, и поступали бы так же. А если бы Сталин осмелился перейти так же, как и Наполеон, рубикон христианства, то его национализм и его контрреволюционная мощь возросли бы в тысячу раз. Кроме того, если бы это произошло, то столь радикальное несоответствие сделало бы совершенно невозможным какое-либо совпадение по каким-либо пунктам между ними и им, хотя бы оно и было бы только временным и объективным... вроде того, которое, как вы видите, вырисовывается перед нами.

Г. — Итак, я лично считаю, что вы дали определение трех фундаментальных пунктов, на основании которых может быть составлен план. Это то, в чем я пока что с вами согласен. Но я подтверждаю вам мои мысленные оговорки, т. е. мое недоверие в отношении всего того, что вы изложили в отношении людей, организаций и фактов. Ну, а теперь продолжайте уж следовать по генеральным линиям своего плана.

Р. — Да, теперь да; теперь подошел этот момент. Но только предварительная оговорка: я буду говорить под свою собственную ответственность. Я ответственен за интерпретацию тех трех предыдущих пунктов в том смысле, как это понимают «Они», но допускаю, что «Они» могут считать более действенным для достижения трех указанных целей другой план действий, совершенно отличный от того, который я буду сейчас излагать. Имейте это в виду.

Г. — Хорошо, будем иметь в виду. Говорите уж.

Р. — Упростим. Поскольку отсутствует объект, для которого было создано немецкое военное могущество — дать нам власть в СССР — то теперь дело в том, чтобы добиться наступления на фронтах и направить гитлеровское наступление не на восток, а на запад.

Г. — В точности. Продумали ли вы практический план реализации?

Р. — У меня было более чем достаточно времени для этого на Лубянке. Я обдумывал. Вот посмотрите: если были затруднения в том, чтобы найти между нами общие точки, а все остальное протекло нормальным образом, то проблема сводится к тому, чтобы опять-таки разыскать то, в чем имеется совпадение между Гитлером и Сталиным.

Г. — Да, но признайте, что все это проблематично.

Р. — Но не неразрешимо как вы думаете. В реальности проблемы бывают неразрешимы только тогда, когда заключают в себе диалектические субъективные противоречия, и даже в этом случае мы считаем всегда возможным и необходимым синтез, преодолевая «морально невозможное» для христиан-метафизиков.

Г. — Опять вы начинаете теоретизировать.

Р. — В силу моей умственной дисциплины — это необходимо для меня. Люди большой культуры предпочитают доходить до конкретного через обобщение, а не наоборот. У Гитлера и у Сталина могут найтись совпадения, ибо, будучи весьма различными людьми, они имеют один и тот же корень; если Гитлер сентиментален в патологической степени, а Сталин нормален, то они — классические империалисты. А если дело обстоит именно таким образом, то уже не трудно найти между ними общие точки. Почему же нет, если это оказалось возможным между одной царицей и одним прусским королем...

Г. — Раковский, вы неисправимы...

Р. — Не отгадываете?.. Если Польша послужила пунктом объединения между Екатериной и Фридрихом — царицей России и королем Германии в то время, то почему же Польша не сможет послужить причиной для нахождения точек совпадения между Гитлером и Сталиным? В Польше могут совпасть персоны Гитлера и Сталина, а также историческая царско-большевистская и нацистская линии. Наша линия, линия «Их» — также, ибо Польша христианское государство и, что еще более осложняет дело — католическое...

Г. — И что же при наличии такого тройного совпадения?

Р. — Если есть совпадение, то возможна и договоренность.

Г. — Между Гитлером и Сталиным?.. Абсурд! Невозможно.

Р. — В политике нет ни абсурдов, ни невозможного.

Г. — Представим себе, как гипотезу: Гитлер и Сталин наступают на Польшу.

Р. — Разрешите мне перебить вас; нападение может быть вызвано только следующей альтернативой: война или мир. Вы должны признать это.

Г. — Да ну и что же?..

Р. — Считаете ли вы, что Англия и Франция при их более плохих армиях и авиация, по сравнению с Гитлером, смогут напасть на объединившихся Гитлера и Сталина?..

Г. — Да, это мне кажется затруднительным... разве что Америка...

Р. — Оставим на время Соединенные Штаты. Согласитесь ли вы со мной, что из-за нападения Гитлера и Сталина на Польшу не может возникнуть европейской войны?

Г. — Рассуждение логично, как будто бы невозможно.

Р. — В этом случае нападение или война была бы бесполезна, Она не вызвала бы взаимного разрушения буржуазных государств: гитлеровская угроза против СССР продолжала бы существовать после разделения Польши, так как теоретиче-

ски и Германия и СССР усилились бы в одинаковой степени. Практически — Гитлер больше, потому что СССР для дальнейшего его усиления не нужны ни земли, ни сырье, а Германии — нужны.

Г. — Это правильный взгляд... но не видно другого решения.

Р. — Нет, есть решение.

Г. — Какое?

Р. — Чтобы демократии атаковали и не атаковали агрессора.

Г. — Что это вы бредите! Одновременно атаковать и не атаковать... Это что-то абсолютно невозможное.

Р. — Вы так думаете?.. Успокойтесь... Не два ли агрессора?.. Разве мы не договорились, что не будет сделано наступления именно потому, что их два?.. Хорошо... Что препятствует тому, чтобы атаковали одного из них?..

Г. — Что вы хотите этим сказать?

Р. — Просто только то, что демократии объявят войну только одному агрессору, и именно Гитлеру.

Г. — Да, но это неосновательная гипотеза.

Р. — Гипотеза, но имеющая основание. Поразмыслите: каждое государство, которому приходится бороться с коалицией враждебных государств, имеет своей главной стратегической задачей — разбить их по отдельности одно за другим. Это правило настолько общеизвестно, что доказательства здесь излишни. Итак, согласитесь со мной, что нет никаких препятствий

для того, чтобы создать такие обстоятельства. Думаю, что вопрос о том, что Сталин не будет считать себя задетым в случае нападения на Гитлера, уже решен. Не так ли?.. Кроме того, к этому принуждает география, а в силу этого и стратегия. Как ни глупы Франция и Англия, собираясь воевать одновременно против двух держав, одна из которых желает сохранять нейтралитет, а другая, даже будучи в одиночестве, представляет собой для них серьезного противника, но откуда и с какой стороны смогут они произвести нападение на СССР?.. У них нет общей границы; разве что они поведут наступление через Гималаи... Да, остается воздушный фронт, но какими средствами и откуда смогут они напасть на Россию?.. По сравнению с Гитлером они уступают ему в воздухе. Все приведенные мною доводы не являются никаким секретом, это общеизвестно. Как вы видите, все упрощается в значительной степени.

Р. — Да ваши выводы кажутся логичными в том случае, если конфликт будет ограничиваться четырьмя державами, но их не четыре, а больше, и нейтралитет не является вещью очень легкой в войне подобного масштаба.

Р. — Несомненно, но возможное вмешательство большего количества государств не изменяет соотношения сил. Взвесьте в уме и увидите, как будет продолжать существовать равновесие, хотя и вступят другие или даже все европейские государства. Кроме того, что весьма важно, ни одно из тех государств, которое вступит в войну на стороне Англии и Франции, не сможет отстранить их от руководства; в силу этого причины, которые помешают им напасть на СССР, будут сохранять свое значение.

Г. — Вы забываете о Соединенных Штатах.

Р. — Сейчас вы увидите, что я этого не забыл. Ограничусь

изучением их функции в предварительной программе, которой мы сейчас заняты, и скажу, что Америка не сможет заставить Францию и Англию напасть одновременно и на Гитлера и на Сталина. Для того, чтобы этого достичь, Соединенные Штаты должны были бы вступить в войну с самого же первого дня. А это невозможно. Во-первых, потому, что Америка не вступала раньше и никогда не вступит в войну, если она не подвергнется нападению. Ее правители смогут устроить так, что на них нападут, если это будет им удобно. В этом я вас уверяю. В тех случаях, когда провокация не имела успеха и враг на нее не реагировал, то агрессия изобреталась. В первой своей интернациональной войне против Испании, в поражении которой не сомневались, они придумали агрессию, или, вернее, ее изобрели «Они». В 1914 году провокация имела успех. Можно, правда, оспаривать технически, существовала ли таковая, но правилом без исключения является то, что тот, кто совершает внезапное нападение без предупреждения, совершает его при помощи провокации. Теперь так; эта великолепная американская техника, которую я приветствую в любой момент, подчиняется одному условию: чтобы агрессия произошла в подходящий момент, т. е. в момент, нужный подвергшимся нападению Соединенным Штатам; это значит, тогда, когда они будут иметь вооружение. Есть ли сейчас налицо это условие? Вполне очевидно, что нет. В Америке имеется сейчас немного меньше ста тысяч человек под ружьем и посредственная военная авиация: у нее есть только внушительная эскадра. Но вы же можете понять, что при наличии таковой — она не сможет убедить союзников решиться на нападение на СССР, так как Англия и Франция имеют лишь только единственное преимущество на море. Я опять доказал вам, что с этой стороны не может быть изменений в соотношении наличных сил.

Г. — Согласившись с этим, прошу еще раз разъяснить мне техническую реализацию.

Р. — Как вы видели, при наличии совпадения интересов Сталина и Гитлера в отношении нападения на Польшу, все сводится к тому чтобы добиться оформления этого совпадения и сделать пакт о двойном нападении.

Г. — И вы думаете, что это легкая вещь?

Р. — Откровенно говоря, нет. Тут необходима дипломатия более опытная, чем сталинская. Должна была бы находиться в услужении та, которую обезглавил Сталин, или та, которая гниет сейчас на Лубянке. В прежние времена был способен Литвинов с некоторыми затруднениями, хотя его раса была бы большим препятствием для того, чтобы вести переговоры с Гитлером; но сейчас это конченный человек, его губит ужасная паника; он одержим животным страхом перед Молотовым больше, чем перед Сталиным. Весь его талант направлен на то, чтобы не подумали, что он троцкист... Если он услышит совет о необходимости предпринять сближение с Гитлером, то это будет для него равнозначно тому, чтобы сфабриковать самому себе доказательство своего троцкизма. Я не вижу человека, способного для этой цели; во всяком случае, это должен был бы быть чистокровный русский. Я бы мог предложить свои услуги для ориентировки. В настоящий момент я советую тому, кто начнет переговоры, чтобы они велись на почве строго конфиденциальной, с расточительной откровенностью... При наличии целой стены всяких предубеждений только правдивостью можно будет обмануть Гитлера.

Г. — Я опять не понимаю ваших парадоксальных высказываний.

Р. — Извините, но это только так по виду; меня обязывает к этому синтез. Я хотел сказать, что с Гитлером надо вести чистую игру по конкретным и ближайшим вопросам. Нужно

ему показать, что игра не ведется с целью спровоцировать его на войну на два фронта. Например, можно пообещать ему и доказать в соответствующий момент, что наша мобилизация ограничится малым количеством сил, необходимых для вторжения в Польшу, и что силы эти будут невелики. По нашему фактическому плану мы должны будем расположить наши главные части для предполагаемого англо-французского нападения. Сталин должен быть щедрым в предварительных по-ставках, которых будет домогаться Гитлер, главным образом — нефти. Это то, что мне пока что пришло в голову.

Возникнут еще тысячи вопросов подобного же порядка, кото-рые должны будут быть разрешены так, чтобы Гитлер, видя на практике, что мы желаем всего лишь только занять свою часть Польши, был бы вполне в этом уверен. И поскольку на практи-ке оно так и должно получиться, то он будет обманут правдой.

Г. — Но в чем же в данном случае заключается обман?

Р. — Я дам вам несколько минут времени, чтобы вы сами вскрыли, в чем именно заключается обман Гитлера. Предва-рительно я хочу подчеркнуть, и вы должны себе заметить, что тот план, который я начертил вам сейчас, логичен и нормален, и по нему можно достигнуть того, что капиталистические го-сударства уничтожат друг друга, если столкнуть их два крыла: фашистское с буржуазным. И я повторяю, что план логичен и нормален. Как вы могли уже увидеть, сюда не вмешивают-ся таинственные и страшные факторы. Одним словом — для того, чтобы возможно было его реализовать, «Их» вмешатель-ство не нужно. Сейчас я хотел бы отгадать ваши мысли; не ду-маете ли вы сейчас о том, что было бы глупо терять время на доказательство недоказуемого существования и могущества «Их». Не так ли?

Г. — Вы правы.

Р. — Будьте откровенны со мной. Вы на самом деле не замечаете их вмешательства?.. Я уведомлял вас, желая помочь вам, о том, что их вмешательство существует и является решающим, и поэтому логика и естественность плана — это только видимость. Неужели вы не видите «Их», говоря по правде?

Г. — Чистосердечно говоря, нет.

Р. — Логика и натуральность моего плана — это только видимость. Натуральным и логичным было бы то, что Гитлер и Сталин нанесли друг другу поражение. Это было бы для демократий простым и легким делом, в том случае, если им нужно было бы, чтобы Гитлеру позволили, обратите внимание — «позволили», напасть на Сталина. Не говорите мне о том, что Германию могли бы победить. Если русские просторы и отчаяние Сталина со своими людьми перед гитлеровским топором или перед мстью его жертв не будут достаточны для того, чтобы добиться военного истощения Германии, то не будет никаких препятствий к тому, чтобы демократии, видя, что Сталин теряет силы, стали бы помогать ему мудро и методически, продолжая подавать эту помощь вплоть до полного истощения обеих армий. Это в действительности было бы легко, естественно и логично, если бы те мотивы и цели, каковые ставят перед собой демократии и которые большинство их приверженцев считают настоящими, были бы реальностью, а не тем, чем они являются: предложениями. Существует одна цель одна-единственная цель: торжество коммунизма; не Москва будет навязывать свою волю демократиям, а Нью-Йорк, не «Коминтерн», а «Капинтерн» на Уолл Стрит. Кто, как не он, был способен навязать Европе такое явное и абсолютное противоречие?.. Какая сила может вести ее к полному самоубийству?.. Только одна сила способна сделать это: деньги. Деньги — это власть и единственная власть.

Г. — Я буду откровенен с вами, Раковский. Я признаю за вами дар исключительного таланта. Вы обладаете блестящей диалектикой, захватывающей, тонкой: когда вам ее не хватает, то ваше воображение располагает средствами для того, чтобы растянуть свой красочный занавес, измышляя блестящие и ясные перспективы; но все это, хотя меня и восхищает, для меня недостаточно. Я перейду к тому, чтобы задавать вам вопросы, предположив, что я верю всему тому, что вы сказали.

Р. — А я вам буду давать ответы, но с единственным условием, чтобы вы не прибавляли ничего к тому, что я скажу, и не убавляли.

Г. — Обещаю. Вы, утверждаете, что «Они» препятствуют или будут препятствовать германо-советской войне, логичной с точки зрения капиталистов. Правильно ли я разъяснил?

Р. — Да, в точности так.

Г. — Но реальность данного момента такова, что Германии разрешено перевооружение и экспансия. Это факт. Я уже знаю, согласно вашему объяснению, что это было вызвано троцкистским планом, провалившимся благодаря происходящим сейчас «чисткам»; таким образом — цель уже утрачена. Перед лицом нового положения вы советуете только, чтобы Гитлер и Сталин заключили пакт и поделили Польшу. Я вас спрашиваю: как можем мы получить гарантию того, что, имея договор или не имея его, произведя или не произведя раздел, Гитлер не нападет на СССР?

Р. — Этого нельзя гарантировать.

Г. — Значит, зачем же говорить больше?

Р. — Не торопитесь. Великолепная угроза против СССР реальна и существует. Это не гипотеза и не словесная угроза. Это факт и факт, который обязывает. «Они» уже имеют превосходство над Сталиным; превосходство, которого нельзя отрицать. Сталину предоставляется только одна альтернатива, право выбора, а не полная свобода. Нападение Гитлера произойдет само собой; «Им» ничего не нужно делать, чтобы оно произошло, а только всего лишь предоставить ему возможности действовать. Это основная и определяющая реальность, забытая вами при вашем слишком кремлевском образе мышления... Эгоцентризм, господин, эгоцентризм.

Г. — Право выбора?

Р. — Я уточняю еще один раз, но вкратце; или на Сталина будет сделано нападение, или будет реализован начерченный мною план, по которому капиталистические европейские государства уничтожат друг друга. Я обратил внимание на эту альтернативу, но, как вы видите, она только теоретическая. Если Сталин захочет выжить, то он будет вынужден реализовать план, предложенный мной и ратифицированный «Ими»!

Г. — А если он откажется?

Р. — Это будет для него невозможно. Экспансия и вооружение Германии будут продолжаться. Когда Сталин увидит перед собой эту гигантскую угрозу... то что же он станет делать?.. Это будет продиктовано ему своим собственным инстинктом самосохранения.

Г. — Похоже на то, что события должны реализоваться только по указке, намеченной «Ими».

Р. — И так оно и есть. Конечно, в СССР на сегодняшний

день еще не обстоит дела так; но рано или поздно все равно произойдет так. Не трудно предсказать и предположить для реализации что-либо, если оно выгодно тому, кто должен реализовать дело; в данном случае — Сталин, каковой вряд ли помышляет о самоубийстве. Гораздо более трудно делать прогнозы и заставлять выполнять что-либо того, кому это невыгодно, но кто все же должен действовать; в данном случае демократии. Я приберег разъяснение для этого момента, конкретизирующее истинное положение. Откажитесь от ошибочной мысли, что это вы являетесь арбитрами в данной ситуации, ибо арбитрами являются «Они».

Г. — «Они» и в первом и во втором случае... Значит, мы должны общаться с призраками?..

Р. — А факты — это разве призраки?.. Интернациональная ситуация будет необычайная, но не призрачная; она реальна и очень реальна. Это никакое не чудо; здесь predetermined будущая политика. Вы думаете, что это дело призраков?..

Г. — Но давайте посмотрим: предположим, что ваш план принимается... Мы же должны иметь что-то осязаемое, личное, для того, чтобы вести переговоры.

Р. — Например?..

Г. — Какая-либо особа с полномочиями и с представительством.

Р. — А для чего же? Ради удовольствия познакомиться с нею? Ради удовольствия поговорить?.. Имейте в виду, что предполагаемая персона, в случае своего представления, не предъявит вам верительных грамот с печатями и гербами и не наденет дипломатического мундира, по крайней мере, особа от

«Них»; если она что-нибудь скажет или пообещает, то это не будет иметь ни юридического, ни договорного значения. Поймите, что «Они» — это не государство. «Они» — это то, чем был до 1917 года Интернационал, то, чем он еще пока что является: ничем — и одновременно всем. Вообразите себе, возможно ли, чтобы СССР вел переговоры с масонством, со шпионской организацией, с македонским комитагис или с хорватскими усташами. Не будет ли написан какой-либо юридический договор?.. Подобные пакты, как пакт Ленина с германским Генеральным Штабом, как договор Троцкого с «Ними» — реализуются без записей и без подписей. Единственная гарантия их выполнения коренится в том, что выполнение того, о чем договорено, выгодно пактирующим... эта гарантия и есть единственная реальность в пакте, как бы ни велико было его значение.

Г. — С чего же бы вы начали в таком случае?

Р. — Просто; я бы начал уже с завтрашнего дня зондировать Берлин...

Г. — Для того, чтобы договориться о нападении на Польшу?

Р. — Я бы не с этого начал... Я бы проявил свою уступчивость и намекнул бы на некоторые разочарования в демократиях, ослабил бы в Испании... Это было бы актом поощрения; затем бы я намекнул на Польшу. Как вы видите — ничего компрометирующего, но достаточно, чтобы какая-то часть ОКВ, бисмарковцы, как они называются, имели бы аргументы для Гитлера.

Г. — И больше ничего?..

Р. — Для начала ничего больше; это уже большая дипломатическая работа.

Г. — Откровенно говоря, имея в виду те цели, которые до сих пор господствовали в Кремле, я не думаю, чтобы кто-либо сейчас осмелился посоветовать такой радикальный поворот в интернациональной политике. Я предлагаю вам, Раковский, мысленно превратиться в то лицо в Кремле, которое должно решать... На основании одних только ваших разоблачений, доводов, ваших гипотез и внушений, как мне представляется, нельзя будет никого убедить. Я лично, после того, как вас выслушал и при этом, чего не буду отрицать, испытал на себе сильное воздействие от ваших высказываний, от вашей персональности — ни на один момент не чувствовал искушения считать германо-советский пакт чем-то практически осуществимым.

Р. — Интернациональные события заставят с непреодолимой силой...

Г. — Но это будет потерей драгоценного времени. Обдумайте что-нибудь осязаемое, что-нибудь, что я мог бы представить в качестве доказательства правдоподобности... В противном случае я не осмелюсь передать вашу информацию о нашем разговоре; я отредактирую его со всей точностью, но она попадет в Кремлевский архив и там застрянет.

Р. — Не было бы достаточно для того, чтобы ее приняли во внимание, чтобы кто-нибудь, хотя бы сверхофициальным образом, поговорил с какой-нибудь высокопоставленной особой?..

Г. — Как я думаю, это было бы нечто существенное.

Р. — Но с кем?..

Г. — Это только мое личное мнение, Раковский. Вы говорили

о конкретных особах, о крупных финансистах; если я правильно запомнил, то вы рассказывали о некоем Шиффе, например; затем назвали другого, который служил для связи с Гитлером с целью его финансирования. Имеются также и политики или лица с общественным положением, которые принадлежат к «Нам», или же, если желаете, служат «Им». Кто-нибудь в этом роде мог бы нам пригодиться для того, чтобы начать что-либо практическое... Знаете ли вы кого-нибудь?..

Р. — Я не вижу в этом необходимости». Подумайте: о чем будете вы договариваться?.. Вероятно, о плане, который я изложил, не так ли?.. Для чего?.. В данный момент «Им» в этом плане нечего делать: их миссия — «не делать»... И поэтому вы не сможете договориться ни о каком позитивном действии и не сможете потребовать этого... Припомните, обдумайте хорошо.

Г. — Даже если оно и так, то в силу нашего личного мнения требуется обязательно реальность, хотя бы даже и бесполезная... человек, личность которого подтвердила бы правдоподобность власти, приписываемой вами «Им».

Р. — Я удовлетворю вас, хотя я и уверен в бесполезности этого. Я уже говорил вам, что я не знаю, кто входит в состав «Их», но имею заверения от лица, которое должно было знать «Их».

Г. — От кого же?

Р. — От Троцкого. От Троцкого я знаю только то, что один из «Них» был Вальтер Ратенау, известный по Раппалю. Вы видите последнего из «Них», занимающего политический и общественный пост, ибо это он разрывает экономическую блокаду СССР. Несмотря на то, что он был одним из самых крупных миллионеров; разумеется, им был и Лионель Ротшильд. С уве-

ренностью могу назвать только эти имена. Конечно, я могу назвать еще больше лиц, деятельность и персональность которых я определяю как целиком совпадающую с «Ними», но я не могу подтвердить, чем командуют или же кому подчиняются эти люди.

Г. — Назовите мне нескольких.

Р. — Как учреждение — банк Кун, Леб и К° с Уолл Стрит, к этому банку принадлежат семьи: Шифф, Варбург, Леб и Кун; я говорю семьи, чтобы указать разные имена, ибо все они связаны между собой браками; затем Барух, Франкфуртер, Альтшуль, Кохем, Беньямин, Штраус, Штейнхарт, Блом, Розенжан, Липман, Леман, Дрейфус, Ламонт, Ротшильд, Лод, Мандель, Моргентау, Эзекиель Лаский. Я думаю, что уже достаточно имен; если я напрягу свою память, то, может быть, припомню еще, но я повторяю, что я не знаю, кто из них может быть одним из «Них», и я даже не могу утверждать, что обязательно кто-нибудь из них туда входит; я хочу избежать всякой ответственности. Но я определенно думаю, что любое из перечисленных мною лиц, даже из не принадлежащих к «Ним», всегда сможет довести до «Них» какое-либо предложение существенного характера. Разумеется, независимо от того, угадано лицо или нет, нельзя ожидать непосредственного ответа. Ответ будет дан фактами. Это неизменная тактика, которую они предпочитают и с которой заставляют считаться. Например, если вы решитесь начать дипломатические хлопоты, то вам не нужно пользоваться способам личного обращения к «Ним»; надо ограничиться высказыванием размышлений, изложением какой-нибудь рациональной гипотезы, зависящей от определенных неизвестных. Затем остается только ждать.

Г. — Вы понимаете, что в моем распоряжении не имеется сейчас картотеки, чтобы установить всех упомянутых вами

лиц; я предполагаю, что они находятся, вероятно, где-то очень далеко. Где?..

Р. — Большинство в Соединенных Штатах.

Г. — Поймите, что если бы мы решили хлопотать, то пришлось бы потратить на это много времени. А дело срочное и срочное не для нас, а для вас, Раковский.

Р. — Для меня?..

Г. — Да, для вас, помните, что ваш процесс будет очень скоро назначен для слушания. Я не знаю, но думаю, что не будет рискованным предположить, что в том случае, если все, что здесь обсуждалось, заинтересует Кремль, то оно должно заинтересовать его прежде, чем вы предстанете перед трибуналом; это было бы для вас делом очень решающим. Я думаю, что в ваших личных интересах вы должны предложить нам что-нибудь более быстрое. Самое главное — это добиться доказательства того, что вы сказали правду, и добиться не за срок в несколько недель, но за срок в несколько дней. Я думаю, что если это вам удастся, то я почти что мог бы дать вам относительно большие заверения в возможности спасти свою жизнь... В противном случае я не отвечаю ни за что.

Р. — В конце концов — я отважусь. Не знаете ли вы, находится ли сейчас в Москве Дэвис?.. Да, посланник Соединенных Штатов.

Г. — Думаю, что да; должен был вернуться.

Р. — Только исключительный случай дает мне право, как я думаю, вопреки правилам, воспользоваться официальным посредником.

Г. — Значит, мы можем думать, что американское правительство находится позади всего этого?..

Р. — Позади — нет, но под этим...

Г. — Рузвельт?..

Р. — Что я знаю? Я могу только делать выводы. Вами все время владеет мания политического шпионажа. Я бы смог сфабриковать для того, чтобы доставить вам удовольствие, целую историю; у меня более чем достаточно воображения, дат и правдивых фактов для того, чтобы придать ей видимость правды, граничащей с очевидностью. Но разве не более очевидны общеизвестные факты?.. И дополните своим воображением остальное, если вам нравится. Смотрите сами. Припомните утро 24-го октября 1929 года. Придет время, когда этот день будет для истории Революции более важным днем, чем октябрь 1917 года. В день 24-го октября произошел крах биржи в Нью-Йорке; начало так называемой «депрессии», настоящая революция. Четыре года правления Гувера — это годы революционного продвижения, 12 или 15 миллионов забастовавших. В феврале 1933 года происходит последний толчок кризиса с закрытием банков. Трудно сделать больше, чем сделал капитал для того, чтобы разбить «классического американца», находящегося еще в своем индустриальном оплоте и в экономическом отношении поработанного Уолл Стритом. Известно, что всякое обеднение в экономике: будь то в отношении общества или животных, дает расцвет паразитизма, а капитал — это крупный паразит. Но эта американская Революция имела в виду не одну только цель — увеличить власть денег для лиц, имеющих право пользоваться ими; она претендовала на большее. Хотя власть денег и является политической властью, но до этого таковая применялась только косвенным образом, а теперь она должна была превратить ее в непосредственную прямую власть. Человек, через по-

средство которого пользовались такой властью, был Франклин Рузвельт. Поняли? — Заметьте себе следующее: в этом, 1929-м году, первом году американской Революции, в феврале выезжает из России Троцкий; крах происходит в октябре месяце... Финансирование Гитлера договорено в июле 1929 г. Вы думаете, что все это случайно? Четыре года правления Гувера употреблены на подготовку захвата власти в Соединенных Штатах и в СССР; там — посредством финансовой революции, а здесь — посредством войны и последующего за ней поражения. Разве какая-нибудь хорошая новелла с богатым воображением была бы для вас более очевидна?.. Вы можете понять, что выполнение плана в подобных масштабах нуждается в специальном человеке, направляющем исполнительную власть в Соединенных Штатах, предназначенных для того, чтобы стать организующей и решающей силой. Этим человеком был — Франклин и Элеонора Рузвельт. И разрешите мне сказать, что это двуполое существо не является совсем иронией. Ему нужно было избежать возможных Далил.

Г. — Рузвельт один из «Них»?

Р. — Я не знаю является ли он одним из «Них», или только подчиняется «Им». Что вам надо больше? Я думаю, что он сознавал свою миссию, но не могу утверждать, подчинялся ли он в силу шантажа или он был одним из тех, кто управляет; верно то, что он выполнил свою миссию, реализовал все предусмотренные для нее действия со всей точностью. Не спрашивайте меня больше, потому что я больше ничего не знаю.

Г. — В случае, если будет решено обратиться к Дэвису, в какой форме вы это сделаете?

Р. — Первоначально вы должны избрать персону такого типа, как «барон»; он мог бы пригодиться... жив он еще?..

Г. — Я не знаю.

Р. — Хорошо, выбор персон предоставляется вам. Ваш посланник должен будет выявить себя конфиденциальным или нескромным, лучше же — тайным оппозиционером. Разговор нужно будет ловко повести о том противоречивом положении, в которое ставят СССР так называемые европейские демократии своим союзом против национал-социализма. Это — заключение союза с империализмом британским и французским — современным реальным империализмом — для разрушения потенциального империализма... Цель словесных выражений должна послужить тому, чтобы увязать фальшивое советское положение с таковым же американской демократии. Она также видит себя вынужденной поддерживать колониальный империализм для защиты демократии внутри Англии и Франции. Как вы видите, вопрос может быть поставлен на очень сильной логической базе. После этого уже очень легко сформулировать гипотезу о действиях. Первое: что ни СССР, ни Соединенные Штаты не интересуют европейский империализм, и, таким образом, диспут сократится до вопроса о личном господстве; что идеологически и экономически России и Америке желательно разрушение европейского колониального империализма, будь он прямой или косвенный. Соединенным Штатам желательно это даже еще больше. Если бы Европа потеряла в новой войне всю свою мощь, то Англия, не имеющая своих собственных сил, с исчезновением Европы, как силы, как власти, с первого же дня легла бы всей тяжестью со всей своей империей, говорящей на английском языке, на Соединенные Штаты, что было бы неизбежно и в политическом и в экономическом отношении... Проанализируйте выслушанное вами в аспекте левой конспирации, как можно было бы выразиться, не шокируя любого американского буржуа. Дойдя до этого момента, можно будет сделать перерыв на несколько дней. Затем, заметив реакцию, нужно будет двигаться дальше. Вот —

выступает Гитлер. Тут можно изобразить любую агрессию: он целиком и полностью — агрессор, и в этом нет сомнений. А затем перейти к тому, чтобы задать вопрос: какую совместную деятельность должны будут избрать Соединенные Штаты и Советский Союз перец лицом войны между империалистами, стремящимися к этому?.. Ответ может быть — нейтральность, но нейтральность не зависит только от желания одного, она зависит также от агрессора. Гарантия нейтральности может существовать только тогда, когда агрессор не может напасть или ему это не подходит. Для этой цели безошибочным является нападение агрессора на другое империалистическое государство. Отсюда очень легко перейти к высказыванию необходимости и моральности — с целью гарантии безопасности — спровоцировать столкновения между империалистами, в случае, если это столкновение не произойдет само по себе. И если это будет принято в теории — а оно будет принято, — то уладить вопрос о действиях фактически — это уже вопрос только техники. Вот вам здесь указатель:

1) пакт с Гитлером для раздела между собой Чехословакии или Польши (лучше последней); 2) Гитлер примет. Если он способен на блеф в ставке на завоевание, т. е. на захват чего-либо в союзе с СССР, то для него будет полной гарантией то, что демократии уступят. Он не сможет поверить их словесным угрозам, так как ему известно, что пугающие войной являются одновременно сторонниками разоружения и что их разоружение — реальное; 3) демократии нападут на Гитлера, а не на Сталина; они скажут людям, что хотя оба они виноваты в агрессии и в разделе, но стратегические и логические причины вынуждают их к тому, чтобы они были разбиты отдельно: сначала Гитлер, а потом Сталин.

Г. — А не обманут ли они нас правдой?..

Р. — А каким образом?.. Разве Сталин не располагает свободой действий для того, чтобы помогать Гитлеру в нужной мере? Разве мы не передаем в его руки возможность продолжения войны между капиталистами до последнего человека и до последнего фунта? Чем же они смогут его атаковать?.. Истощенным государствам Запада уже достаточно будет дела с коммунистической революцией внутри, которая в противном случае может восторжествовать.

Г. — Но если Гитлер добьется быстрой победы и если он, подобно Наполеону, мобилизует всю Европу против СССР?..

Р. — Это невероятно!.. Вы забываете о существовании Соединенных Штатов. Вы отвергаете фактор силы — более важный. Разве не естественно, чтобы Америка, подражая Сталину, помогала бы со своей стороны демократическим государствам? Если согласовать «против часовой стрелки» помощь обеим группам воюющих, то таким образом будет гарантирована без промаха бесконечная затяжка войны.

Г. — А Япония?

Р. — А не достаточно ли им уже Китая?.. Пусть Сталин гарантирует им свое невмешательство. Японцы очень привержены к самоубийству, но все-таки не настолько, чтобы быть способными одновременно напасть и на Китай, и на СССР. Есть еще возражения?

Г. — Нет; если бы это зависело от меня, то я бы попробовал... Но верите ли вы, что посланник...

Р. — Верить я верю. Мне не дали поговорить с ним, но заметьте себе одну деталь: о назначении Дэвиса стало известно в ноябре 1936 года; мы должны предположить, что Рузвельт по-

думал о том, чтобы послать его гораздо раньше, и начал с этой целью предварительные хлопоты: мы все знаем, что на рассмотрение дела и на время, которое требуется для официального объяснения о назначении, уходит больше двух месяцев. Его назначение было согласовано, по-видимому, в августе... А что произошло в августе? В августе были расстреляны Зиновьев и Каменев. Я готов присягнуть в том, что его назначение было сделано с целью новой увязки «Их» политики с политикой Сталина. Да, я определенно так думаю. С каким душевным волнением должен он был ехать, видя, как один за другим падают главари оппозиции в «чистках», следующих одна за другой. Не знаете ли вы, присутствовал ли он на процессе Радека?

Г. — Да.

Р. — Вы его увидите. Поговорите с ним. Он ожидает уже много месяцев.

Г. — Этой ночью мы должны закончить; но прежде, чем мы разойдемся, я хочу знать еще кое-что. Предположим, что все это правда и все будет реализовано с полным успехом. «Они» предложат определенные условия. Угадайте, какими они могут быть?..

Р. — Это не трудно предположить. Первым условием будет прекращение экзекуций над коммунистами, это значит над троцкистами, как вы их называете. Затем, разумеется, заставят установить несколько зон влияния, как это я говорил. Границы, которые должны будут отделить формальный коммунизм от коммунизма реального. Это самое существенное. Будут сделаны взаимные уступки для взаимной помощи на время, пока будет длиться выполнение плана. Вы увидите, например, парадоксальное явление, что целая толпа людей, врагов Сталина, будет ему помогать; нет, это не будут обязательно про-

летарии, не будут и профессиональные шпионы... Появятся влиятельные люди во всех рангах общества, даже и в очень высоких, которые будут помогать этому сталинскому формальному коммунизму, когда он превратится если не в реальный, то хоть в объективный коммунизм... Вы меня поняли?

Г. — Немного; вы обволакиваете вещи такой непроницаемой казуистикой...

Р. — Если надо закончить, то я могу выразиться только таким образом. Посмотрим, не смогу ли я еще помочь понять. Известно, что марксизм называли гегелевским. Так был вульгаризирован этот вопрос. Гегелевский идеализм — это общераспространенное приспособление к невежественному пониманию на Западе природного мистицизма Баруха Спинозы. «Они» являются спинозистами, пожалуй, дело даже обстоит наоборот, т. е. спинозизм — это «Они», поскольку он является только версией, адекватной эпохе «Их» собственной философии, гораздо более ранней и вышестоящей. В конце концов — гегельянец, а в силу этого и последователь Спинозы, был предан своей вере, но только временно: тактически. Дело обстоит не так, как утверждает марксизм, что в результате уничтожения противоположения возникает синтез. Это благодаря преодолевающему взаимодействию — из тезиса и антитезиса возникает, как синтез, реальность, истина, как окончательная гармония между субъективным и объективным. Не видно ли вам уже этого? В Москве — коммунизм; в Нью-Йорке — капитализм. Все равно как тезис и антитезис. Анализируйте и то и другое. Москва: коммунизм субъективный, а капитализм — объективный — государственный капитализм. Нью-Йорк: капитализм субъективный, а коммунизм объективный. Синтез персональный, истина: финансовый Интернационал» капиталистическо-коммунистический. «Они».

* * *

Свидание длилось около шести часов, Я еще раз всыпал наркотик Раковскому. Наркотик, видно, действовал хорошо, хотя я это мог заметить только по определенным симптомам возбуждения. Но я думаю, что Раковский в нормальном состоянии говорил бы так же. Несомненно, тема разговора соответствовала его специальности и он имел страстное желание разоблачить то, о чем говорил. Ибо, если все это правда, то им была произведена энергичная попытка заставить торжествовать свою идею и свой план. Если это была ложь, то получилась необычайная фантазия, и это был чудесный маневр для спасения своей, уже потерянной, жизни.

Мое мнение насчет всего слышанного не может иметь никакого значения, У меня нет достаточной подготовки, чтобы понять его универсальность и размеры. Когда Раковский коснулся самого основного в теме, то у меня было такое же ощущение, как в тот момент, когда я впервые увидел себя на экране X-лучей. Мои пораженные глаза увидели нечто неточное, расплывчатое и темное, но реальное. Нечто вроде призрака; мне пришлось согласовать его фигуру, его движения, соотношения и действия в той степени, в какой возможно было об этом догадаться при помощи логических интуиций.

Я думаю, что мне пришлось наблюдать в течение нескольких часов «рентгенографию революции» в мировом масштабе. Быть может, частично она не удалась, оказалась извращенной или деформированной, благодаря обстоятельствам или личности, которая ее отображала; недаром ложь и притворство

являются в революционной борьбе дозволенным и моральным оружием, а Раковский — страстный диалектик большой культуры и первоклассный оратор — является прежде всего и сверх всего революционным фанатиком.

Я много раз перечитывал разговор, но каждый раз чувствовал, как возрастало во мне ощущение моего невежества в этом отношении. То, что до сих пор казалось мне, а также и всему миру, истиной и очевидной реальностью, подобной гранитным блокам, где социальный порядок держится, как на скале, неподвижно и вечно, — все это превратилось в густой туман. Появляются колоссальные, неизмеримые, невидимые силы с категорическим императивом, непокорные... хитроумные и титанические одновременно; что-то вроде магнетизма, электричества или земного притяжения. Перед лицом этого феноменального разоблачения я почувствовал себя подобно человеку из каменного века, у которого голова была еще наполнена первобытными суевериями насчет явлений природы и которого перебросили вдруг однажды ночью в сегодняшний Париж. Я поражен еще больше, чем был бы поражен он.

Я много раз не соглашался. Сначала я убедил себя, что все то, что разоблачил Раковский это продукт его необычайного воображения. Но даже убедив себя в том, что я был игрушкой в руках самого великого из известных мне новеллистов, я тщетно пытался отыскать достаточные силы, логические причины и даже людей с достаточной персональностью, которые могли бы мне объяснить это гигантское продвижение революции.

Я должен признаться, что если здесь участвовали только те силы, причины и люди, которые указываются официально в письменной истории, то я должен заявить, что революция — это чудо нашей эры. Нет, слушая Раковского, я не мог

допустить, чтобы горсть евреев, эмигрировавших из Лондона, добились того, чтобы этот «призрак коммунизма», вызванный Марксом в первых строчках Манифеста сделался на сегодняшний день гигантской реальностью и всеобщим страшилищем.

Является ли правдой или нет то, о чем говорил Раковский, является или нет секретной и настоящей силой коммунизма Интернациональный Капитал, но то, что Маркс, Ленин, Троцкий, Сталин недостаточны для разъяснения необычайности происходящего — это для меня абсолютная истина.

Реальны или фантастичны эти люди, которых Раковский называет «Они» с почти что религиозной дрожью в голосе? Но если «Они» не существуют, то я должен буду сказать о них то, что Вольтер сказал о Боге: «Его надо было бы выдумать», ибо только в этом случае мы сможем объяснить себе наличие, размеры и силы этой всемирной революции.

В конце концов я не имею надежды увидеть ее. Мое положение не позволяет мне смотреть с большим оптимизмом на возможность того, что я доживу до близкого будущего. Но это самоубийство буржуазных европейских государств, о котором рассуждает Раковский и которое он доказывает, как непреложное, было бы для меня, посвященного в секрет, магистральным и решающим доказательством.

* * *

Когда Раковского увели в место его заключения, Габриель оставался некоторое время углубленным в себя. Я смотрел на

него, не видя его; и на самом деле, мои собственные представления потеряли почву под ногами и держались как-то на авось.

— Как вам показалось все это? — спросил меня Габриель.

— Не знаю, не знаю, — ответил я, и я сказал правду; но добавил: — Думаю, что это поразительный человек, и если дело идет о фальшивке, то она необычайна... в обоих случаях — это гениально.

— В результате, если мы будем располагать временем, то обменяемся впечатлениями... Меня всегда очень интересует ваше мнение профана, доктор. Но сейчас мы должны договориться о нашей программе. Вы нужны мне не как профессионал, но как скромный человек. То, что вы слышали, по причине вашей своеобразной функции, может быть ветром или дымом, который с ветром уйдет, но это может быть и нечто такое, важность чего совершенно ни в чем не превзойдена. Тут недостаточна умеренная терминология. При наличии этого осторожность заставляет меня сократить число осведомленных в этом лиц. До этого момента об этом знаете только вы и я. Человек, который манипулировал с аппаратом для записи разговора, совершенно не знает французского языка. То, что мы не говорили по-русски, — это не было моим капризом. Короче говоря: я буду вам благодарен, если вы будете переводчиком. Поспите несколько часов. Я дам сейчас необходимые распоряжения для того, чтобы техник согласовал с вами время, и насколько возможно скорее вы должны перевести и записать разговор, который он будет пускать для того, чтобы вы слушали его. Это будет тяжелая работа; вы не умеете писать на машинке, и аппарат должен будет двигаться очень медленно, и если аппарат обгонит вас, то нужно будет повторять параграфы и фразы; но другого средства нет. Когда вы сделаете французский черновик, то я его прочитаю. Будут

необходимы некоторые эпитафии, заметки: я их добавлю. Вы печатаете на машинке?..

— Очень плохо, очень медленно, только двумя пальцами. Я иногда печатал для развлечения в лаборатории, в которой я работал до того, как попал сюда.

— Ну, уж как-нибудь вы устроитесь; очень жаль, потому что потратим времени больше, чем нужно, но нет другого выхода. Самое главное, чтобы вы не наделали много ошибок.

Габриель позвал человека. Мы договорились начать нашу работу в одиннадцать часов, а было уже почти что семь. Мы разошлись все, чтобы немного поспать.

Меня позвали пунктуально. Мы устроились, согласно уговору, в моем маленьком кабинете. И началось мучение. Кроме того, вначале механик должен был делать частые остановки для того, чтобы дать мне время записать. Через два часа я приобрел уже некоторую практику. Мы работали приблизительно до двух часов дня и пошли завтракать. Техник остался там же, на месте, не покидая аппарата, а я не оставил своих листов бумаги и взял их с собой, вложив в карман.

Борясь со сном, я писал до пяти часов вечера. Но больше уже не мог: я рассчитал, что написал уже половину, Я отпустил человека, разъяснив ему, что он может отдыхать до десяти часов вечера, и бросился в кровать.

Я окончил писать после пяти часов утра. Габриель, которого я не видел в течение того дня (я не знаю, уезжал он или нет), сказал мне, чтобы я, как только окончу писать, вручил ему работу в любое время дня или ночи.

Я так и сделал. Он находился в своем кабинете и немедленно же взялся за чтение моих листков. Он разрешил мне пойти поспать, и мы договорились, что я смогу начать писать на машинке, уже отдохнувши после завтрака.

Запись информации на машинке заняла два дня, включая еду и около двенадцати часов сна.

Габриель поручил мне сделать две копии; я сделал три, чтобы припрятать одну себе. Я осмелился на это, так как он отправился в Москву. Я не раскаиваюсь в том, что у меня хватило на это мужества.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Читателю будет небезынтересно узнать, как отнесся Сталин к информации Раковского и как он использовал его советы. Из истории событий тех лет нам известно, что незадолго до начала второй мировой войны Сталин резко изменил политику своих отношений с Германией, что было весьма неожиданно и странно для всех.

Тайна этой неожиданной перемены становится понятной в свете информации Раковского. Сталин последовал в точности его советам. В последней главе книги «Красная симфония» Габриель дает доктору целый ряд разъяснений по этому поводу. Вот некоторые выдержки из этих разговоров.

— Не волнуйтесь, доктор... Помните нашу беседу с Раковским? Вы, наверное, в курсе, что он так и не был приговорен к смертной казни? В таком случае, надеюсь, вы не слишком удивитесь, если я вам сообщу, что товарищ Сталин счел целесообразным попробовать тот, на первый взгляд, невероятный план... Мы ничем не рискуем, а выиграть при случае можно немало... Если вы напряжете свою память, то кое-что поймете.

— Я превосходно все помню: как-никак, я дважды прослушал ту беседу, дважды ее записал и, к тому же, сделал перевод текста... Не считите за праздное любопытство: вам удалось узнать, кто... кто эти люди, которых Раковский называл «Они»?

— Чтобы продемонстрировать вам мое полное доверие к вам, доктор, скажу: нет, не удалось. Мы до сих пор не знаем точно, кем являются «ОНИ», но очень многое из рассказанного тогда Раковским подтвердилось. Например, нам досто-

верно известно о финансировании Гитлера банкирами с Уолл Стрит. Все это правда, и даже более того. Все эти месяцы, что мы с вами не виделись, я посвятил проверке предоставленной нам Раковским информации. И хотя мне не удалось доподлинно узнать фамилии этих замечательных персонажей, по крайней мере, безусловно подтвердился сам факт существования круга лиц из числа финансистов, политиков, ученых и даже священнослужителей высокого ранга, облеченных властью и с крупными капиталами, чья позиция по многим вопросам кажется как минимум странной, а порой необъяснимой, если следовать вульгарной обывательской логике, учитывая, что все они обнаружили удивительную склонность к коммунистической идеологии, разумеется, в весьма специфическом ее выражении... Все они, тем или иным образом, как бы выразился Раковский, повторяя Сталина, «действием или бездействием служат делу коммунизма».

— Все, что я тогда услышал и записал, а также то, что вы мне сейчас рассказываете, сильно напоминает мне монологи Навашина, когда он убеждал меня помочь ему вас убраться. Вы помните?

— Да, разумеется. Я даже иногда подумываю о том, что нам следовало похитить и доставить в Москву именно его, а не несчастного генерала Миллера. Ладно, сделанного не воротишь, а все слова Навашина на фоне последних событий — не более, чем пустая масонская болтовня.

— А что американский посол?

— Мы полностью последовали рекомендации Раковского в его отношении. Ничего конкретного. С его стороны не было проявлено ни неудовольствия, ни истерик. Напротив, мы встретили полное взаимопонимание. Очевидно, посол не яв-

ляется большим поклонником Англии или Франции... В этом, вероятно, проявилось скрытое отношение и самого Рузвельта, его близкого друга. Он осторожно намекнул на прошедшие процессы и дал нам понять, что американская сторона была бы весьма признательна за проявление милосердия в следующем публичном процессе, в деле Раковского. Разумеется, во время мартовских судебных заседаний за послом внимательно наблюдали. Он вынужден был присутствовать на них в одиночку: мы не допустили на заседания никаких иных представителей американского посольства, дабы исключить какое-либо общение с подсудимыми с их стороны. Сам же посол Дэвис не является профессиональным дипломатом и не может владеть специальными техниками подобного бесконтактного общения. Ему пришлось просто наблюдать; порой, как нам показалось, он пытался что-то выразить взглядом: полагаем, что он пытался воодушевить Розенгольца и самого Раковского. Последний подтвердил этот интерес со стороны Дэвиса и даже признался, что тот незаметно сделал ему знак масонского приветствия. Было и еще одно происшествие, которое никак нельзя считать случайным. Рано утром второго марта нами было получено радиосообщение с какой-то мощной, но неизвестной нам Западной станции, обращенное лично к Сталину. Оно было кратким: «Милосердие или возрастет угроза со стороны нацизма.»

— Но угроза не была настоящей?

— Как же нет? 12-го марта заканчивались дебаты в Верховном Трибунале, и в 9 часов вечера Трибунал удалился на совещание. И вот, в этот же самый день, 12 марта, в 5 часов 30 минут утра Гитлер приказал своим бронированным дивизиям двинуться в Австрию. Конечно, это была военная прогулка! Было ли достаточно причин подумать об этом?.. Или же мы должны были быть настолько глупыми, чтобы посчитать при-

ветствия Дэвиса, радиограмму, шифр, совпадение инвазии с приговором, а также молчание в Европе только случайностями?.. Нет, в действительности мы «Их» не видели, но слышали «Их» голос и поняли «Их» язык.

* * *

Габриель понимал, что предпринятые ими шаги опасны для внутренней политики. Он говорил; «Игра может быть опасной. Наше умонастроение как среди масс, так и среди правящих, в высшей степени антифашистское. Мы расстреляли всю оппозицию и провели чистку во всей Красной Армии, обвиняя казненных в том, что от являются гитлеровскими псами и шпионами... Можете себе представить, каким оружием против Сталина было бы доказательство того, что он заключил пакт с фюрером?»

Всем нам известно, что пакт СССР с Германии был заключен, что Польша была разделена и Сталин победил...

1 Полностью на русском языке книга вышла в Аргентине в 1968 году.

2 Бывший врач при НКВД, участвовавший на судебном процессе в качестве обвиняемого наряду с Раковским (Ред.)

3 Главный Штаб Немецкой Армии (Ред.).

4 Читатель должен учитывать, что Ландовский излагает в своих записках разговорную речь (Ред.).

5 В настоящее время мы являемся свидетелями в нашей стране всему тому, о чем говорил Раковский (Ред.).